

Алла Лупачева

ЗАКОН ПАРНЫХ СЛУЧАЕВ

Москва
«Пробел-2000»
2019

Алла Лупачева

Закон парных случаев

«Пробел-2000»

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лупачева А. Н.

Закон парных случаев / А. Н. Лупачева — «Пробел-2000», 2019

ISBN 978-5-98604-730-0

Книга носит автобиографический характер, отдельные герои вымышлены, но органически вплетаются в канву романа, легко вписываясь в предложенные автором обстоятельства времени и места. История, написанная прекрасным литературным языком, читается с неослабевающим интересом. Хочется надеяться, что автор не бросит своих героев в столь драматический момент их жизни и расскажет о них в следующей книге.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-730-0

© Лупачева А. Н., 2019
© Пробел-2000, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алла Лупачева

Закон парных случаев

*Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны.
И сном окружена
Вся маленькая наша жизнь.*

Вильям Шекспир
«Буря» («Tempest»)

Автор выражает глубокую благодарность – доктору медицинских наук, профессору Соломону Гиришину за огромную, бесценную помощь в течение всего процесса написания, редактирования и подготовки книги к изданию и дорогому мужу за терпение, любовь и веру. Без этих людей моя книга вряд ли бы состоялась.

© Лупачева А.Н., 2019

© «Пробел-2000», 2019

Глава 1

Южный крест

Океан был неправдоподобно спокоен и тих. Все пространство, которое охватывал глаз – безлунное, бархатно-черное небо в россыпи звёзд и черный муар воды. И больше ничего.

Мощно вспарывая килем толщу вод, гигантский океанский лайнер величественно нес к невидимой цели одиннадцать этажей кают с пассажирами и командой на борту. Если бы не шум двигателей, не быстро отстающие клубы сизоватого дыма и белый хвост кипящей воды за кормой, могло показаться, что он стоит на месте в бескрайней черной пустыне. волны торопливо разбегались в стороны, догоняя одна другую и расплываясь ажурной пеной. Свет палубных огней отражался от всклокоченной поверхности океана, разламывался на тысячи ярких бликов, на мгновение вспыхивал искрами в кружевных гребешках волн и навсегда истаявал в черной мгле. Дым быстро растворялся в ночи, и только злобное шипение растревоженной воды, будто сплетня, преследовало уходящий лайнер.

Пассажиры давно разбрелись по каютам, только разомлевшие посетители ресторана-казино, вальяжно развалившись в шезлонгах на верхней палубе, неспешно докуривали свои сигары, время от времени глубоко затягиваясь и виртуозно выдыхая в воздух маленькие колечки и аккуратные облачка дыма. Ппа, ппа, ппа, ппа. Они были настолько погружены в процесс, что окружающий мир полностью перестал существовать для них.

Небольшая группа молодых людей, расположившихся у самого края палубы, нервно докуривала сигареты, изредка перебрасываясь малозначащими для случайного уха короткими фразами. Потом они дружно погасили окурки о подошвы туфель и щелчком отправили их за борт, заслужив неодобрительный взгляд уходившего крупье. Эти были похожи на неудачливых игроков в предвкушении неприятного разговора с женами. На фоне безмятежного ночного покоя они, словно брошенный в тихую воду камень, создавали вокруг себя некое «пространственное возмущение» – почти ощутимое нервное напряжение.

Стараясь не помешать их раздраженному общению, немолодая пара обошла молодых людей и скрылась за поворотом.

Заканчивалась первая половина восьмидневного круиза, а Маша все еще не научилась быстро засыпать, как ей было обещано – «от одного только воздуха». Но Виктор вдруг начал зевать, и Маша сказала, что предпочитает вернуться в каюту. Там, по своему обыкновению, он взял с тумбочки тонкую электронную книжку, айпэд, чтобы почитать перед сном. Маше спать все еще не хотелось. «Я пойду, постою немного. Подышу еще этим волшебным воздухом. Хорошо? А ты спи, не жди меня. Я скоро вернусь. Спокойной ночи», – сказала она мужу и, поцеловав, вышла на балкон.

Как же им повезло с погодой! Пятый день – сплошной штиль! Она всегда боялась «большой воды», морской болезни и не сразу согласилась отправиться в этот круиз. Видно, пожалев ее, трусиху, природа решила заманить ее сюда, подарив такую благодать, что даже мыслями возвращаться к обычной суете не хотелось. Погружаясь в этот безмятежный покой, трудно было поверить, что где-то грохочут грозы, свирепствуют ураганы, идут войны, люди убивают друг друга. Эта мысль едва не отравила ей настроение, и Маша дала себе слово до конца поездки не позволять задумываться ни о каких мировых проблемах. Еще четыре дня, и они снова будут дома. Вот тогда...

Опершись о перила, в блаженной расслабленности Маша завороченно смотрела на убегающие от бортов волны с белыми гребешками и быстро тающей кружевной вязью пены. Рокот двигателя мешался с недовольным ворчанием воды за кормой, с нескончаемыми всплесками у борта, сливаясь в монотонный «белый шум». Через короткий промежуток времени сознание

переставало замечать его, а уши – слышать. Гипнотизирующая, обволакивающая тишина, как невесомость, поглощала все вокруг, растворяя тревожные мысли. Все хорошо, думала Маша, все хорошо. И теперь всегда все будет хорошо.

Легкий встречный ветерок, будто играя, шевелил волосы, ласково трогал лицо, шею, смывая морщинки с перегретой солнцем кожи. После безумного тропического солнца даже яркие палубные огни казались слабыми и были неспособны разогнать тьму. Кругом было черным-черно. Лишь сбоку краешком глаза можно было заметить подсвеченный кормовым фонарем дым, поднимающийся к небу кисейной театральной декорацией.

Маша стала смотреть на воду, на разбегающиеся от бортов волны, на темное, безлунное небо, усыпанное мириадами звезд. Отдохнувшие от ослепительного тропического солнца глаза стали по привычке обшаривать небосвод, пытаясь отыскать подзабытые со школьных уроков астрономии созвездия. Где знакомая Большая Медведица? А где маленький медвежонок – Умка? А Пояс Ориона? А Кассиопея – эта «Леди в кресле-качалке»? Тоже нет. Нигде нет. Она ничего не узнавала – другое полушарие! Единственное, что показалось ей знакомым, так это четыре необыкновенно яркие звезды, образующие что-то вроде католического креста, лежащего на боку. «Южный крест», как назвала его про себя Маша. А может быть, это именно он и есть – самое яркое созвездие Южного полушария? А этот сгусток темноты – «Угольный мешок»? Все напрасно. Маша вздохнула – чужое небо, совсем чужое.

Безмолвная черная бездна почему-то вдруг растревожила ее память, возвращая в далекое прошлое. Она уже видела похожее небо, такие же яркие звезды и даже точно такую же жемчужную ниточку корабля-призрака. Где это было? Дай бог вспомнить... Крым... Только там звезды были рассыпаны совершенно по-другому. А про то, последнее лето в Мисхоре, лучше не вспоминать. Хватит уже этой боли. Надо думать о чем-то другом. Маша сильно помассировала кончиками пальцев глазные яблоки и стала снова смотреть на разбегающиеся от борта волны и туда, где купол неба должен был коснуться поверхности океана.

Моментами ей даже казалось, что она видит существующую лишь в подсознании линию горизонта, но граница между черной водой и черным небосводом лишь однажды обозначилась еле заметной, бисерной ниткой желтоватых мерцающих жемчужин – где-то далеко-далеко, во встречном направлении, беззвучно проплывало привидение другого лайнера. Оно быстро растаяло, и снова тьма. Как ни напрягай глаз, вокруг – только вода и небо. Они – одни в океане.

Маша огляделась. Балкон каюты словно парил в высоте, ни справа, ни слева, ни внизу не было видно ни одного пассажира, ни одна лампочка не светилась на соседних балконах. Картина звездного неба была так прекрасна, что хотелось кричать: «Люди! Как вы можете спать? Проснитесь! Посмотрите на это чудо! Когда еще вам выпадет увидеть такое небо, такой океан? Когда еще вы сможете позволить себе такую сказку?» Она глубоко вздохнула, снова на минуту закрыла глаза. На лице заиграла блаженная улыбка.

Заметив оставленное еще днем кресло, она перевесила сушившееся на нем полотенце на предусмотрительно натянутую кем-то леску и устроилась в нем поудобнее. Немного посидела, расслабив спину, потом положила локти на перила и, упершись подбородком в сцепленные замком руки, снова вперила невидящий взгляд в бесконечное пространство, где нет ни неба, ни воды, и все едино. Вокруг был такой покой, такая умиротворенность, что глаза сами собой закрывались, а губы растягивались в какой-то блаженной улыбке. Хорошо-то как! Наверное, так легко на душе бывает только в юности, когда будущее видится только прекрасным, а жизнь – бесконечной.

В какой-то момент она вспомнила бабушку. Ей было уже за восемьдесят, когда она, прикалывая брошку к своему любимому синему платью, произнесла удивительную фразу: «Я тебе, Маша, что-то скажу, только ты не смейся. Когда-нибудь ты поймешь. Знаешь, если я в зеркало не смотрюсь, я – невеста». Тогда Маша подумала, что бабушка шутит, а теперь вот и сама

подумала о том же... Морщинок все больше, а желаний не меньше, и все еще чего-то хочется... И нравиться хочется, и все успеть хочется... А время убегает и убегает, ей уже не догнать.

Сколько она просидела так, не шевелясь, она не понимала. Один раз ей показалось, что муж позвал ее: «Машенька, ты скоро? А то я уже совсем засыпаю». «Сейчас, еще чуть-чуть посижу... Спокойной ночи, дорогой!» – тихо откликнулась Маша. Еще через минуту или две за спиной у нее глухо стукнулся об пол выскользнувший из рук айпэд. Экран еще минуту светился и погас. Тогда Маша вернулась в каюту, захватила легкую шаль и, накинув ее на плечи, снова вышла на балкон.

Странно, подумала Маша, что в русском языке так и не нашлось своих названий для всей этой техники. Видно, запоздали изобрести. А сколько новых английских слов! Чипы, айфоны, таблетки, байты, смайлики, моджики, эсэмэски... Не перечислишь. Скоро они вообще перестанут понимать «птичий язык» собственных внуков, и нет уже ни сил, ни особого желания заново учить все эти хитрые сокращения, аббревиатуры...

Интересно, а как бы это все стали переводить на русский в *ее время*, когда вдруг запретили употреблять иностранные слова? Боролись с «засорением» русского языка! Ну, заменили «аут» на «вне игры», «голкипера» на вратаря, но слово «футбол» все равно выжило! И никто не тянул счастливый крик «Гоооо-ооооол!» звучнее и дольше чем Вадим Синявский. И все-таки ГОЛ, не что-то иное.

А всего полсотни лет назад в районном доме пионеров ее учили танцевать «па-де-пати-нер» и «па-де-грас»! Ужас какой – не выговоришь! Надо было тоже переименовать. Или отметить! Менуэт в пионерской форме с галстуками... Ну, если только в театральном училище. Какого только идиотизма ни нахлебалось ее поколение! Слава богу, проехали. Не потому ли кажется такой головокружительной скорость, с которой их внесло в новый век.

Здравствуйте, Ваше Величество, Двадцать Первый век!

Уже не Русь-Тройка правит миром, а эти юнцы, напичканные невероятным количеством недоступных ей знаний. Новое поколение – Индиго, постоянно опутанное тонкими проводками всевозможных наушников, телефонов и прочих «гаджетов». Кто они – дети или роботы? Да нет, обыкновенные мальчишки и девчонки, которые любят, страдают, старомодно кончают жизнь самоубийством от несчастной любви или издевательств безмозглых идиотов.

Бедные новые дети! Прекрасная свобода кружит вам головы, вы знакомитесь и женитесь через континенты и океаны, запросто разговариваете с космосом! Весь мир «адаптирован» к вашим требованиям и темпу жизни. Иногда я даже завидую вам, дорогие мои мальчишки! Жаль, что вам некогда читать длинные умные книжки. Я тревожусь за вас, дети мои. Будьте только счастливы в этом сумасшедшем мире!

Вот и эти айпэды. Никаких возражений – компактны, удобны в дороге, «закачивай» в них хоть целую библиотеку. Читай, где хочешь – на пляже, в метро, в самолете. И все-таки есть книги, которые нельзя поглощать на ходу, как общепитовский бутерброд под названием «фаст фуд». Их хочется читать, как едят изысканные блюда – не спеша, смакуя каждый оборот речи, тонкую вязь слов, восхищаясь остротой наблюдений, глубиной мысли, каждой мелочью в описании природы, чтобы вдруг почувствовать нежный запах сирени после грозы.

Книги, книги... Для Маши они неизменно ассоциировались со словом «папа». Его просто невозможно было представить без книги в руках. Привычная картина – отец с очками на носу и в соскальзывающих с ноги тапочках, уютно устроившись в кресле у торшера, бережно перелистывает страницы книги или свежего «толстого» журнала. Никаких «послуживленных» пальцев и загнутых уголков. Когда он понял, что в его блестящей памяти стали появляться провалы, он завел себе толстую тетрадь в коленкоровом переплете и своим узким, изящным, почти готическим почерком стал записывать краткий, на полстранички, синопсис прочитанного, а иногда подсовывал Маше: «Прочти. Заинтересуешься – найдешь книгу». Однажды, когда на политической арене появился бунтарь Ельцин, папа сразу нашел ему «роль», назвав

«Императорским безумцем». Многие ли помнят эту блестящую книгу? Забудется многое из прочитанного за жизнь, но почему-то именно эта книга останется в ее памяти. Это папа научил ее читать между строк, видеть будущее в прошлом и наоборот.

Маша так четко «видит» эту картину – торшер с вишневым абажуром, желтоватый свет, падающий на книгу. Цвет бургунди погружает комнату в полумрак старинного замка, а свет, отраженный от страниц, создает мягкий ореол вокруг папиного лица, словно лик святых. Наверное, он и был таким – ласковым любящим папой, верным, преданным мужем, мудрым и честным Человеком... И вспыльчивым. Но по делу. Она вся в папу – и характером, и способностями. Только мудрости и терпения не хватает. «Молодая» все еще.

Теплая волна недоданной отцу любви, нежности, заволакивает ей глаза. Ведь она всех их так любила – и маму, и папу, и бабушку... Что мешало ей раньше чаще говорить им об этом? Вот ведь и написать теперь некуда. Взять бы листок бумаги, выразить словами всю свою любовь, нежность, написать, что помнишь и будешь помнить до последнего дня своего. Но только *на бумаге*. И никаких «эсэмэсок». Никаких открыток с заранее отштампованной лицемерной любовью! Вы верите в долгое счастье, если признание в любви состоит всего из трех букв LOL?? По-моему, пора кричать SOS!

Да бумаге же гимн петь надо! На ней можно писать, рисовать, смешивая краски, доверяя ей свои сокровенные чувства, мысли, надежды, мечты... Бумага – она теплая, греет. Знают это даже бездомные всего света, спящие на своих картонных подстилках. Маша до сих пор помнит, как поверх носков обертывала ступни в газету, когда в трескучие морозы ноги замерзли даже в валенках! Пусть греет не сама бумага, но она может сохранить тепло – тепло тела, души и твоего сердца!

Вот почему Маша по-прежнему нежно любит «бумажные», с потертой кожей корешков, с полустертым золотым тиснением названий на дерматиновых переплетах, с побуревшими от времени страницами, порой – со следами прикосновений чьих-то пальцев, с запахом старой бумаги или незнакомых духов. Разве можно наслаждаться прозой Бунина, Паустовского или стихами Цветаевой, Бродского в холодном, стеклянном «айпэде»?

Создателям айпэда, как и всей этой мудрой техники, огромное спасибо от человечества, а тронешь его рукой – бездушное стекло, под которым стройными рядами бегут муравьи-буквы. Вот и будет это умное стекло все больше отдалять человека от человека. Но это совсем другая тема.

Вперив невидящий взгляд в бесконечное пространство, где нет ни неба, ни воды и все едино, Маша вдруг остро ощутила, что едет она не из круиза, а «с ярмарки». И нечего роптать. В ее жизни было так много всего, и горя, и счастья. Хорошего было больше, зато боль была острее, глубже. И вся ее память исполосована этими порезами, ранами, которые никогда так до конца и не зажили, даже за годы, казалось бы, почти полного счастья. А что все и всегда будет хорошо, никто и не обещал. Ей было подарено право жить, увидеть этот дивный свет, а что она сделала с эти подарком... Это и стало ее жизнью.

Ей вдруг показалось, что вокруг происходит что-то странное. На черной поверхности океана с каждым новым всплеском волны стали появляться какие-то нечеткие картины – то ли видения, то ли миражи, будто кто-то беспорядочно перелистывал страницы знакомой книги – вперед, назад, еще назад, безнадежно путая события, время, место, обстоятельства.

Вероятно, это был еще не сон, а какое-то преддверие сна. Еще можно было разлепить веки и понять, что все это только всплески памяти. Но моментами картины виделись ей настолько реально, что прогонять дрему не хотелось, а только «досмотреть» – может быть, именно на этот раз все закончится хорошо, и можно будет снять какой-то камень с души и заснуть крепким сном?

Усиливем воли Маша снова открыла глаза. Так жалко спать в такую необыкновенную, сказочно красивую ночь. Сколько еще будет у нее таких ночей? Три? Четыре? И эти кружева на

воде... Они так похожи на старинный кружевной бабушкин воротник «кокилье», изумительной ручной работы.

Кружева были необыкновенной красоты, и все думали, что они французские, а на самом деле – бабушкины. Знатной мастерицей она была. Какое смешное, даже «говорящее» название воротника – «кокилье»! Будто петух прокукарекал. Спроси ее за минуту до этого, ни за что не вспомнила бы. А тут выскочило, как черт из табакерки. Да и название такое вряд ли кто сейчас помнит.

А как бабушка умела носить вещи... Любое штапельное платьишко с белым воротничком – пенная кипень кружев волнами ниспадает на грудь, у самой шеи большая камешка – и уже не бабушка, а «дама с собачкой» на прогулке. Не бабушка-белошвейка, а Женщина, «герцогиня!» Мама, ее невестка, всегда шептала Маше: «Смотри, учись, как должна ходить настоящая женщина – спинка ровная, головка – прямо, подбородок не к шейке прилип, а чуть-чуть вперед...»

Подруги и соседки тоже называли бабушку «герцогиней» – из уважения или зависти? Какая же она герцогиня? Просто красивая, умная, уважающая себя женщина. Она и в глубокой старости оставалась такой. Не сторбленной, а «прямоходящей». Как-нибудь потом, не сейчас, Маша попробует вспомнить всю ее жизнь. Ох, нелегкая, очень непростая была жизнь, потерь несказанно больше, чем обретений. Но это отдельная история.

И вдруг – будто кто-то нарочно плеснул ей в лицо пригоршней прохладных брызг. Вспомнила, вспомнила! И этот кружевной воротник, и то черное платье, и тот странный, нелепый вечер с несостоявшимся праздником... В каком же году это было? Кажется, через полгода или год после ее развода с Андреем. Неужели уже почти полсотни лет прошло? Как же быстро летит время! Кстати, тот кружевной воротник бабушка подарила ей, когда мама сшила Маше, как ей захотелось, «маленькое черное платье на выход». Все началось с того показа мод в Текстильном институте, где училась ее подруга.

Слава Зайцев, будущий маэстро высокой моды, на каком-то студенческом вечере продефилировал по подиуму в собственноручно сшитом «маленьком черном платье для студентки, идущей на вечер встречи с профессорско-преподавательским составом». Пикантной деталью платья было глубочайшее декольте... на спине. Оттенялось декольте только длиннющей ниткой жемчуга, заканчивающейся там, где только-только начиналась сама спина. Появиться в таком наряде на подиуме даже в шутку не решилась бы ни одна девушка. Это мог сделать только сам автор модели. То, что Слава был гений моды, еще мало кто осознавал. В те годы одежда темного цвета была не редкость, но мода на «маленькое черное платье на выход» пришла от Одри Херберн много позже.

В Машином гардеробе тоже не было никаких вещей черного цвета, кроме форменного передника, который она успела возненавидеть за десять лет школы. А тут вдруг ей очень захотелось такое платье – обязательно черное, конечно, без всяких намеков на самое скромное декольте. На все случаи жизни. Как говорится, и в пир, и в мир, и в добрые люди, а главное, чтобы пойти в консерваторию: публика из первых рядов появлялась там обязательно в черном.

На последней примерке, когда платье из переливчатого, шуршащего муара было уже закончено, бабушка, знавшая о тайной Машинной мечте, торжественно накинула на него свой воротник и с таким восторженным удивлением посмотрела на внучку, что Маша чуть не рассмеялась. Ей показалось, что бабушка вот-вот произнесет фразу – «Вот кто заменит Державина!»

Маша очень любила это платье, но надеть его ей удалось всего несколько раз, еще до замужества. Потом наступил длинный период затворнической, полукрепостной жизни, когда ни она сама, ни вдвоем с мужем Андреем вообще почти никуда не выходила, а уж в таком платье и подавно.

Через шесть лет они развелись. Развод был тяжелый, длился, казалось, вечность. Судья не понимала, в чем дело, видела, что оба они страдают, и никак не хотела их разводить. В

результате – «хвост рубили по кусочку» в течение полутора лет. Все это время Маша просуществовала в каком-то полужабытии. Она была вконец измучена и никого не хотела видеть.

Само Время после развода стало идти «по другим часам». Маша все никак не могла привыкнуть, что никто не смотрит ей в спину, не спрашивает, куда она идет, не «ревнует» ее к яркой клетчатой юбке и не упрекает, что она кому-то «не так» улыбнулась. А еще – что ночью можно спать, а не решать философские проблемы, почему так несправедливо устроен мир и почему женщинам нравится, когда мужчины на них смотрят... Казалось бы, оковы спали... Но ощущения свободы не появилось. Она знала, чувствовала, что Андрей все время где-то рядом. Он – ее судия, будет неотступно следить за ней, преследовать ее даже в мыслях, и избавиться от этого давления ей не удастся никогда. Он не захочет отпустить ее до самой смерти. Он – однолюб, он всегда твердил ей об этом, а она не верила. Ему нужна вся ее любовь, все ее внимание, вся ее жизнь, полное растворение в нем...

Маше казалось, что теперь она сможет, наконец, жить и дышать свободно, но чувство плена ее не покидало. словно острая боль в сломанном ребре, оно не позволяло ей вдохнуть глубоко и свободно, вынуждая задерживать дыхание и прижимать ладонь к больному месту. Спустя месяца три или четыре, боль притупилась, но, как постоянно ноющий зуб, все еще не давала заснуть. Маша погрузилась в какое-то тупое безвременье между болезненным вчера и смутным завтра, перебираясь через ночь, как сомнамбула.

Бывшие друзья, до которых доходили слухи о разводе, не верили. «Чтобы Ромео и Джульетта, которые не могли жить друг без друга... Да, он был не такой, как все... Но и Маша – тоже особенная! Как это «просто разошлись»? Этого не может быть...» После столь долгого перерыва кое-кто из Машиных друзей снова начал звонить, робко расспрашивать, что произошло. Но она отмалчивалась, прося маму отвечать, что её нет дома. Зачем объяснять? Все поняли, что Маша говорить на эту тему не хочет, а на другие – пока не может. И обиженный телефон надолго замолчал.

Наступавший день становился для нее днем «пустоты» – без звуков, без красок, без эмоций. Однообразие дней словно высасывало из нее последние силы. Ничего не хотелось. Звонили подруги, но их сочувствие только раздражало. Что они хотели услышать от нее, если она сама не понимала, что им сказать и зачем все это было!

Часы, действительно, ползли. А она все еще была не в состоянии увидеть голубое небо, солнце, улыбнуться людям, пошутить, посмеяться. Жить! Теперь у нее была и свобода, и любимое платье, а праздников как не было, так и нет. В жизни – разлад, и идти в этом платье некуда. Ей стало особенно тоскливо и обидно, что столько друзей безвозвратно потеряно. Ведь не скажешь, как в детстве – «примите меня обратно». Разошлись дорожки. Какая-то душевная струнка оборвалась. Даже Германа, такого верного друга, она и то оглучила. Вот и потеряла. Как мудро заметила одна ее очень немногословная знакомая-мексиканка: «Друзья – как цветочки. За ними надо ухаживать, вовремя поливать. Вот и держу я только кактусы».

Ее жизнь была так плотно и беспросветно поделена между работой, детсадом, ребенком, домом и магазинами, что не оставалось ни минутки времени даже на один «кактус». Появлялись только какие-то мимолетные приятельницы, друзья по несчастью, то есть по стоянию в очередях. Чтобы скоротать время, женщины вдруг вступали в разговор, сетуя на бессмысленную трату времени, начинали делиться рецептами супов, котлет, пирогов, чистки вещей и прочими мелкими хитростями, на минуту избавляясь от одиночества в толпе. Изредка даже обменивались телефонами и становились временными, «очередными» подружками. Терялись одни – находились другие, и только очереди оставались постоянными спутниками жизни. Они безвозвратно крали драгоценные часы ее жизни, отнимая их у самых дорогих и любимых. Стремительно убегало самое прекрасное время ее жизни – молодость.

Под мерный всплеск волн – сплэш – шуууу, сплэш – шуууу – обрывки воспомина-

ний складывались мозаикой, а воображение легкими мазками робко дорисовывало картину

того вечера, когда она, под давлением мамы, все-таки отправилась на вечеринку к Герману. Кажется, это было в декабре шестьдесят четвертого.

Глава 2

Герой не ее романа

Был вечер, когда вдруг раздался звонок давно уснувшего телефона.

– Маша, это тебя. По-моему, это Герман. Ну, хоть с ним-то ты можешь поговорить? – немного нервно спросила Анна Савельевна.

Маша нехотя сползла с дивана, взяла телефонную трубку.

– Здравствуй, Герман. Да, рада. Только, пожалуйста, никаких вопросов... Спасибо. Подумаю. Я же сказала, подумаю. Постараюсь. Еще две недели. Ну, хорошо, позвони еще раз. Конечно, рада. Пока.

– Что Герман? – Анна Савельевна внимательно посмотрела на дочь.

– В гости приглашает. Вообще-то, у него скоро день рождения. Но он говорит, что вечеринка какая-то. Повод придумал какой-то дурацкий – отметить десятилетие первой сессии. Хочет завести «свой собственный» праздник для нашей группы. Глупость, по-моему. Я ему ничего не обещала. Совсем не до него.

Анна Савельевна подошла к Маше, обняла ее за плечи.

– Машенька, повод для встречи не имеет никакого значения. Идти тебя тоже никто не заставляет. Но такое состояние не может длиться вечно. Иначе ты просто погибнешь. Подумай о Виталике, о нас, наконец, если не хочешь подумать о своей жизни... У тебя еще есть время. Ну, совсем не захочется, насильно тебя никто не заставит.

Через неделю Герман позвонил снова. Маша хотела было объяснить ему, что повод для вечеринки ей не очень нравится. На всю жизнь она запомнила свою первую сессию, когда чуть не вылетела из института. Но Герман немедленно ответил, что идею можно изменить, но встреча «состоится при любой погоде», а мама тоже будет рада видеть ее и даже пообещала напечь ее фирменные пирожки. Маша засмеялась и пообещала прийти. А что касается «той» сессии, так теперь это помнится смешным эпизодом из ее студенческой жизни. А тогда казалось настоящей трагедией.

Тогда тоже стоял декабрь, в аудиториях было довольно прохладно. Профессор кафедры начертательной геометрии Глазунов давал последние консультации перед первой сессией. Все, что он объяснял, Маша уже знала – с начертательной геометрией она была «на ты». Поэтому весь первый час трепалась с подружкой. После перемены она решила найти место подальше от окна и снова начала шептаться с кем-то еще. Профессор это заметил и решил проверить, слушает ли его эта смешливая девчонка.

– Скажите, пожалуйста, почему эта прямая *пересекается* с плоскостью именно в этой точке? – обратился он к ней.

Кто-то тихонько тронул за плечо и шепнул:

– Машка, тебя спрашивают.

Встрепенувшаяся Маша почему-то решила, что профессор спрашивает, почему она *пересела*, и, не моргнув глазом, бодро ответила:

– Потому что там дует!

Аудитория откликнулась дружным хохотом. Что было с профессором, понять можно. Кажется, в первое мгновение он просто растерялся. Конечно, ему бы надо было выставить эту девицу из класса, но он сам едва удержался от смеха. Сделав вид, что закашлялся, он усмехнулся и пробурчал:

– Честно говоря, не знаю, где дует – там (он показал кусочком мела на окно) или тут, – и выразительно постучал себя костяшками пальцев по голове.

Потом он пытался еще что-то говорить, но было ясно одно – последняя консультация была сорвана. На выходе из аудитории кто-то шепнул ей на ухо: «Ну, Машка, теперь держись!» Однако предупреждение на нее почему-то не подействовало. Она еще помнила, как просто и легко сдавала школьные экзамены.

А через неделю начиналась первая в ее жизни сессия. По иронии судьбы – экзаменом именно по начертательной геометрии...

Когда за ужином Маша рассказала о происшедшем казусе, папа почему-то не засмеялся, а только удивился, что профессор не выставил ее за дверь. Потом поинтересовался фамилией профессора, а узнав, вдруг сам разволновался.

– Подумать только! Я думал, он давно бросил преподавание. Да и война... Повезло тебе, Машка. Профессор он замечательный! Я у него учился. При случае, обязательно передай ему привет. Ему будет приятно!

Ближайший случай подвернулся через неделю. Лучше бы нога у нее подвернулась, а не этот случай!

Экзамена Маша совершенно не боялась. Чертить она, правда, никогда не любила, но строить всяческие пространственные эпюры – никаких проблем. Поэтому она одной из первых взяла билет. Билет оказался ей очень простым. «Ну, первая пятерка мне обеспечена», – подумала она. Через пятнадцать минут чертеж был готов.

Подойдя к столу, она протянула профессору зачетку, потом села рядом с ним и, не имея ровно никаких задних мыслей или сомнений, легко и радостно ляпнула:

– А мой папа тоже учился у вас, и он передавал вам привет!

Ей так хотелось порадовать профессора, ведь его помнят!

Профессор растерянно взглянул на Машу, спросил фамилию ее отца, год выпуска и с наигранным сожалением вымолвил:

– За привет, конечно, большое спасибо, но такого студента не припомню. Постарел, наверно. Ну, а вы садитесь, пожалуйста, и рассказывайте.

Маша немного растерялась:

– Про папу?

– Ну, зачем же про папу. У нас же не вечер встречи, а экзамен. – Лицо его посуровело. – Начните, пожалуйста, с ответа на билет. Что там у вас?

И тут Маша по-настоящему разволновалась. Теперь все подумают, что она нарочно папу приплела. Просто не подготовилась. Она почувствовала, что краска заливает ее лицо, температура зашкаливает, и она перестает соображать. Посмотрела на листок с ответом. Все правильно. Так что же он хочет, этот замечательный профессор?

– Так, посмотрим. Чертеж выполнен хорошо. Первый пункт мне понятен. А вот тут вы кое-что недоделали. Покажите, какая сторона этой фигуры видимая, а какая – невидимая?

От стыда и обиды на себя Маша начисто перестала соображать. «Идиотка, полезла со своими приветами...» Не глядя, она обвела карандашом нужные, как ей казалось, линии чертежа.

– Эта.

Профессор внимательно посмотрел ей в глаза.

– А знаете, я ведь вспомнил вашего отца. Он всегда садился на первую парту и слушал очень внимательно. Очень способный был юноша. Мне приятно, что он меня помнит. Но, к сожалению, вы его сегодня огорчите. – Глазунов с укоризной взглянул на девушку «с приветом» и протянул ей зачетку. В графе «оценка» было пусто.

– А я буду рад, – сказал он с мягкой издевкой, – увидеть вас еще раз. Только, пожалуйста, узнайте на кафедре, когда я буду принимать в следующий раз. А папе вашему обязательно передайте от меня привет.

Настроение у Маши грохнулось, как сосулька с крыши. Она вышла из аудитории. Потом долго редела, сидя на какой-то пустынной лестнице главного корпуса, и староста группы, а это был Герман, ее успокаивал, немного отчитывал, а потом проводил. Чтобы глупостей не наделала. Ведь ей тогда казалось, что наступает конец света!

Было ли это обязательной для старосты «воспитательной работой» или призванием – учить, наставлять на путь истины? Привитое ли с детства чувство ответственности за других, или симпатия к этой дурехе? Но теперь этот староста, спустя десять лет, приглашал ее на вечеринку.

Маша улыбнулась и почувствовала, что мысли уплыли куда-то в сторону. Как странно было «увидеть» себя сквозь завесу времени. Вроде бы она, а может – и нет. Под мерный всплеск волн – сплэш – шуууу, сплэш – шуууу – обрывки воспоминаний складывались мозаикой, а воображение легкими мазками робко дорисовывало картину того вечера, когда она, под давлением мамы, все-таки отправилась на вечеринку к Герману. Воспоминание не расстраивало, не огорчало, не радовало – просто помогало расставить по своим местам события давно прошедшего времени и что-то понять. Так что Маша уже не могла бы точно ответить – понимала ли она тогда все так же, как виделось это ей сегодня, или это только приподнявшиеся всплески «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». И ее запоздалые выводы теперь тоже были никому не нужны.

– Маша, это тебя. По-моему, это опять Герман, – позвала ее Анна Савельевна.

Маша взяла телефонную трубку.

– Здравствуй, Гера. Да, рада. Конечно, помню. Спасибо. Я же сказала, подумаю. Постараюсь. Еще есть время. Ну, хорошо, обещаю. Но хорошо, напомни. Конечно, рада. Пока.

– Ну что новенького? – спросила мама.

– Опять про ту же вечеринку.

Маша еще какое-то время колебалась, но где-то подспудно уже поняла, что ей самой хочется, да-да, хочется вновь окунуться в непринужденную атмосферу их первой студенческой, веселой и такой дружной компании. А еще узнать, как они живут, есть ли семья, где работают. Но главное, просто отдохнуть душой, пошутить, повеселиться. Мама тоже энергично подталкивала: «Иди обязательно! Хоть развеешься, друзей повидеешь, посмеешься! Не превращай свою жизнь в бесконечные поминки!»

Развеешься? Повеселиться? Честно говоря, Маша не была уверена, что у нее это получится. Она все еще боялась ненужных расспросов. Ей казалось, что она сама растеряла ту легкость общения с людьми, которая была в ней еще семь лет назад. Эти непринужденные разговоры обо всем и обо всех, остроумные подкалывания, веселый смех – сумеет ли перестроиться? Может быть, она просто повзрослела? И да, и нет. Поумнела? Тоже нет. Просто опыт. Грубый, безжалостный учитель – Господин Опыт. Плюс сложный, придавливающий к земле «быт».

«Да какой, к черту опыт? – подумала Маша. – Все больше носом об стол». Сунулась во взрослую жизнь, даже не поняв, какое же она хочет образование, и почему тогда инженерное... Родители посоветовали. А может быть, и настояли. Вот она и согласилась. Бедные, бедные родители! Теперь все на них свалить можно. Могла бы и не спешить с институтом, подумать, определиться... Правда, тогда они с Андреем точно разминулись бы дорогами, и рядом был бы какой-то другой «гений». А если нет? Наверное, поэтому и замуж выскочила, сама не понимая, зачем. Вот и получила! За семь лет замужней жизни почти никуда не выходила из дома!

Все! Ее долгое «семейное заточение» должно, наконец, закончиться! Права мама, надо что-то менять. Пора снова выходить в свет, встречаться с друзьями. А там и жизнь как-нибудь наладится.

Обдумав все за и против, Маша почувствовала какое-то облегчение и с тайной радостью приняла решение – обязательно надо пойти, и, когда Герман позвонил, чтобы напомнить, засмеялась и сказала, что напоминать больше не надо. Она придет. И тут же решила осторожно

поинтересоваться, придет ли его любимая девушка. Она помнила, что еще на первом курсе оба дали друг другу слово – пожениться сразу по окончании института.

Как же ее звали? Вика? Вера? Лера? Нет. Кажется, Лора. Точно – Лора, Лора, Лорелея. Какое красивое имя, высокое, как стрелчатое окно, а буква «р» – как рама. И свет льется, льется сквозь островерхие окна. Ближе к готике. Маша ее так себе и представляла – высокой белокурой, как шведка или финка. «Девушка с веслом». Как в Парке культуры. Если не такая, то значит, ошиблись именем, а может, и с судьбой.

Кстати, почему он о ней ничего не сказал? Маша не удержалась.

– А твоя Лора придет? Нет? А почему?

– Так вышло, что мы давно расстались. Почти сразу после окончания института.

От неожиданного ответа Маша запнулась.

– Что случилось, Герочка? – вырвалось у нее. – Столько лет дружить, ждать друг друга...

Она жива?

Лучше бы ей не расспрашивать его по телефону. Но голос Германа прозвучал спокойно и даже безразлично.

– Ее родители мне отказали.

Маше показалось, что в этот момент он пожал плечами. Значит ли это, что он сам не знает причину отказа? Или он что-то не договаривает?

Наверное, он пошутил. Чтобы родители, знавшие, что они встречаются столько лет, могли разрушить их планы? Чтобы одним махом разбить мечту собственной дочери! Невероятно.

Но когда Герман повторил, что это правда, она надолго замолчала, не понимая, как на это реагировать. Чуть ли не была какая-то другая, серьезная причина. Должна была быть! Как-то не верится, что Герман сделал что-то не то или не так. А может быть, за это время у его девушки появился еще кто-то, и она просто побоялась ему сказать правду сама? Он не может быть виноват! Какая-то дикость!

Конечно, можно было бы придумать еще миллион причин, найти еще миллион объяснений, но какая разница? Разошлись и разошлись. Когда-нибудь сам расскажет. А что касается Лоры, то Маша была абсолютно уверена – придет время, и о Германе она еще пожалеет! Такой верный и перспективный парень, прекрасный был бы муж!

Маша уже знала, что он к тому времени защитил диссертацию, стал или скоро станет старшим преподавателем. А еще, что вступил в партию и даже был избран зам. парторга своей кафедры. Тогда Маше и в голову не пришло бы спрашивать, зачем и когда он успел вступить в партию – до защиты диплома или позже. Наверное, это было нужно для будущей карьеры: на преподавательской работе всегда желательно быть партийным. Но Маше казалось, что для него это было естественно. Чтобы для Германа это было средством достижения цели? Такое Маше и в голову не могло прийти – просто он всегда был очень «правильным».

Когда-то Герман ей действительно нравился. Хороший интеллигентный парень, с которым почему-то было всегда легко разговаривать, шутить, смеяться. С ним можно было поделиться каким-то секретом, посоветоваться – как с подружкой. Поэтому и нравился, но не так, чтобы замуж за него очень хотелось выйти. А началась их дружба с очень забавной истории.

Само время в те годы было по-человечески холодное, поведение людей было чаще всего скованным, а взгляды – настороженными. Поступив в институт, где большинство студентов составляли мальчишки, Маша поначалу растерялась. После полумонастырского, полуказарменного воспитания в послевоенной женской школе Маша оказалась совершенно неподготовленной к общению с противоположным полом. И вдруг она почувствовала, что на нее смотрят, что она нравится, и не одному. Кто-то почти сразу начал за ней ухаживать или настойчиво выказывать свой интерес, но что делать с обрушившимся на нее вниманием, даже если это было ей приятно, как на это реагировать, она не знала. Скромность, местами вовсе неуместная, была

главной добродетелью, внушенной ей школой. Возможно, ей самой хотелось бы улыбнуться и пококетничать, но, зажатая в тугий корсет застенчивости, она вдруг надевала на себя маску неприступности.

Все ее студенческие дружбы и лирические отношения, как было принято, возникали из совместной подготовки к экзаменам, лыжных прогулок, обмена конспектами лекций, походов в кино или даже прогуливания занятий, чтобы покататься на лодочках в ближайшем парке, сохраняясь в платонической незавершенности до брака.

Но все равно было много светлого и радостного в таких отношениях, много смеха, шуток и розыгрышей, капустников, студенческих вечеров с собственноручно написанными и разыгранными представлениями. Был у них и настоящий факультетский театр эстрадных миниатюр. Это было самое светлое время Машиной жизни, прекрасная молодость!

Не обошла Машу стороной и ее первая полудетская влюбленность. Больше других ей нравился высокий голубоглазый соломенный блондин в очках, всегда в хорошо отглаженном темном костюме и светлой рубашке. На фоне остальных, кто во что одетых мальчишек, он выглядел старше и солиднее, как «джентльмен». В действительности это был «номенклатурный сынок» и отчаянный шалопай, который пропускал лекции и потом выпрашивал у нее конспекты. Сидя позади нее в «Колизейной» аудитории, он постоянно с ней заигрывал, потихоньку расплетая ей косу и «умоляя» разрешить отрезать ее локон, чтобы носить в кармашке костюма вместо цветка... Маша пересаживалась на другое место – он опять оказывался за ней.

Короче, Маше понадобился мужской совет старшего друга, в которые она «назначила» интеллигентного и доброжелательного Германа... Почему она выбрала в советники именно его, честно говоря, она и сама не понимала. Старшего брата у нее не было, говорить с отцом на такие темы ей казалось неудобным. Поэтому в один прекрасный день, все еще сомневаясь, она попросила Германа проводить ее до остановки у Александровского сада, чтобы посоветоваться. Машина просьба его удивила.

Самое смешное, что бедный Герман принял рассказ Маши на свой счет и очень бережно, озабоченным голосом начал объяснять, что он очень ценит ее доверие, что ему приятны и дороги ее чувства, но, к сожалению, он «занят», что у него есть подруга, на которой он обязательно женится, как только окончит институт.

Слушая его, Маша поначалу было растерялась. Но когда он договорил свою «Онегинскую» речь, Маша бестактно рассмеялась – почему он решил, что именно он ей так нравится? Герман смутился. Он был обескуражен, даже обижен – он ведь только хотел быть честным. Но когда Маша объяснила, в чем дело...

Короче, все кончилось мирно и к общему удовольствию. Весьма тронутый Машиним доверием, Герман немедленно предложил ей свою верную дружбу. Это было каким-то чудесным облегчением. Неудобство разом прошло, и в тот же момент они решили, что навсегда останутся друзьями, которые смогут в любой ситуации и в любое время смело делиться своими секретами и опереться друг на друга. Что бы с ними дальше ни произошло. Ну, просто Герцен и Огарев из Александровского сада! Потом они еще долго веселились, подмечая вокруг малейший повод посмеяться. Вот так они и подружились, и пронесли сквозь годы прочное человеческое доверие друг к другу, которое не так уж часто встречается в жизни. Без претензий и бесполезных, ненужных обид.

Именно тогда Маша вдруг с облегчением поняла, что никчемный блондин-балбес, из-за которого она и решилась на это признание, ей вовсе не нужен!

Герман был старше, взрослее ее – в первые годы войны пропустил два или три года, да и что-то еще заставило его повзрослеть гораздо раньше Маши. С ним ей было легко говорить и не надо было специально подбирать слова из боязни, что ее неправильно поймут. У них было достаточно много общих интересов – оба любили живопись, с удовольствием ходили на

художественные выставки в музеи, на концерты в консерваторию или Зал Чайковского, если удавалось достать билеты...

Девушки из группы тайно называли его Мушкетером. Он и впрямь был чем-то похож на мушкетера, как представляли того по старому трофейному фильму – темные волосы и серые глаза на узком лице, прямой нос и аккуратные усики, а еще открытый взгляд и очень заразительный смех. Не хватало только шляпы с пером и шпаги. И вообще, почти все в нем было «французского покроя», даже фамилия. Кстати, фамилия его Машу слегка интриговала – вроде бы французская или немецкая, но явно не русская, не украинская, не еврейская и, вроде бы, не прибалтийская... Как-то раз она даже несмело спросила, от кого у него такая («если не хочешь – не говори»), на что Герман невнятно ответил, что вообще-то он одессит, по отцу – француз, так что и фамилия у него отцовская. Маша не удивилась. Правда, французское поселение, которое предлагала организовать сама императрица бежавшим от революции буржуа, так и не состоялось. Эта капризная публика отказалась переезжать по причине «грязи и неблагоустроенности» места, но в той же Франции нашлись талантливые, деятельные и предприимчивые люди, которые сумели оценить блестящую перспективу и пренебречь временными неудобствами. Они так много сделали для города, что сами стали неотделимой частью Одессы – вице-адмирал Де Рибас, дюк (герцог) Ришельё, граф Ланжерон, архитектор Томон, построивший лучшие здания Одессы... А первые банкиры, рестораторы. Так почему бы Герману не быть одним из их потомков? Даже если бы сказал, что он – родственник графа Потемкина или самого Пушкина, Маша тоже не удивилась бы. Для бывших одесситов ничто не удивительно – портовый город, кто там только ни жил, кто там только ни останавливался, вот и перемешаны народы, как овощи в винегрете.

Короче. Больше или меньше, но внешне на Мушкетера он был похож, вернее – все в нем, кроме костюма, ботфортов, отсутствия шпаги. Ну и прическа не соответствовала – темные волосы, аккуратно подстриженные и разделенные, будто белой ниткой, пробором. Естественно – мода другая, и времена другие.

Их сокурсник, неутомимый поэт-пересмешник Саша, написавший знаменитые «Волосатые частушки» один куплет посвятил именно ему. «А у Геры голова, что участок местности. Посреди идет шоссе, а по бокам окрестности». Однако, на создание этих частушек Сашу «вдохновило» неожиданное появление на занятиях Маши, решительно или по глупости, остригшей свои роскошные волосы.

Эпиграф к частушкам был злой и даже обидный: «Волос длинный и густой вьется по башке пустой». Это было про нее, дуру. И зачем она тогда отрезала косы? Ведь по ее косам страдало или исходило завистью полкурса! «Маши косы, косы Маши, / Те, что не бывает краше. / Вдруг не стало тех волос. / Черт завистливый унёс». Она поначалу хотела даже обидеться, но передумала – это же был дифирамб с эпитафией пополам. В шутку Саша даже предложил объявить траур в честь «напрасно загубленной красоты».

Ох, сколько же таких стихов, стишков, песенок и даже целых поэм ходило по курсу. Большинство из них всеми давно забыто... Маша напрягала память, пытаясь что-то вспомнить, и улыбалась каждой всплывшей ниоткуда строке. Она стояла, прикрыв глаза, и улыбалась. Как же прекрасна была их глупая беспечность! Только в юности можно за ночь до экзамена вдруг сесть и писать частушки про чьи-то, еще не облысевшие головы. Теперь волос у нее вдвое меньше, а ума, увы, больше не стало. Может быть, больше опыта, понимания. А так – все такая же доверчивая дура.

Прекрасная, беспечная молодость! Интересно, много ли их «ребят» еще живы? Где же они сейчас, ее такие разные сокурсники, подружки, приятели, друзья, бывшие тайные поклонники, влюбленные и ухажеры? А сейчас... Надо бы позвонить, попытаться найти, узнать, когда вернется из круиза, из своего «дальнего плавания». По крайней мере, мальчишки-то фамилии не меняли? Но как найти?

Из их группы Герман всегда был самым добросовестным и в учебе, и в разных «внеинститутских» делах.

В семнадцать-восемнадцать лет, да в хорошую солнечную погоду кому не хотелось удрать с лекций, чтобы покататься на лодках в Измайловском парке, особенно если в аудитории тоска смертная – научный коммунизм. Какая там наука? Один треп. А Герман – никогда. Но при этом всегда оставался компанейским парнем – и когда выезжали за город на лыжах, и в колхоз «на картошку» или сажать деревья перед новым университетом на Воробьевых горах.

Многие ребята, даже круглые отличники, не очень-то спешили браться за всякие «комсомольские поручения». Бывали, конечно, и приятные задания. Но редко. Отличнику Диме было даже лестно вести математический кружок в женской школе... Ему нравилось, что девочки смотрели на него, как на взрослого мужчину, кокетничали и заигрывали. Тогда настроение учителя поднималось и, как ни странно, успеваемость девочек по математике тоже. Тут уж юному «профессору» можно было гордиться! А вот идти в общежитие строителей и выяснять, почему те пропускают вечерние классы... Или мусор убирать всем курсом... Герман не забывал и не отказывался никогда. Его готовность выполнить любое порученное дело, «надо – значит, надо», вызвала удивление и даже раздражение многих однокашников.

Машу тоже слегка смущала эта комсомольская готовность Германа, но почему-то она верила, что он все делает искренне. Ей никогда не приходило в голову, что какие-то обстоятельства, будто кто-то все время смотрит в его спину, «заставляют» его быть «правильным». А она сама? Разве ее кто-то заставлял, когда она не просто вступила, а буквально ворвалась в комсомол в тринадцать с половиной лет? Было ли в этом внушенное им всем «велеие времени»? Нет-нет, в четырнадцать лет о проблемах поступления в институт без комсомольского билета еще никто не задумывался. Ее никто не толкал, никто не отговаривал. Для того времени это было естественно. Да и родители вряд ли бы стали отговаривать или посвящать в реалии жизни. Они просто боялись «придавить ее к земле» или вызвать непредсказуемый протест. Придет время, сама разберется.

Какими же детьми были почти все они, их курс пятьдесят четвертого года! А Герман был уже взрослым человеком, со своим характером и четкими планами на жизнь. Институт был для него первой серьезной ступенью, и он не мог позволить себе их «детские шалости». Он прекрасно учился, много читал, интересовался музыкой, регулярно ходил на концерты серьезной музыки, следил за новыми выставками, но это не мешало ему оставаться мальчишкой, ходить в походы, в мужской компании сплавляться по реке, отдыхать где-нибудь на «необитаемом острове», собирать грибы и ловить рыбу.

Ему бы голубые глаза да «пшеничную» шевелюру, и рисуи с него плакат идеального советского человека – труженик, честный партиец, верный, надежный друг и спутник жизни. Штмп или живой человек? А что творилось тогда в его душе, Маша так и не узнала, и теперь очень об этом жалеет. А может, Герман и сам не был готов рассказать ей что-то главное о себе?

И все-таки порой случаются моменты, которые вдруг заставляют взглянуть на иное событие былых времен с другой стороны и переосмыслить его значение. Не так давно, проходя по Университетской аллее на Воробьевых горах, Маша вдруг очень захотела подойти и дотронуться рукой до ствола липы на правой стороне перед фасадом здания. Почему? Просто те две липы *были ее и Германа липами!* Они были посажены ее руками! А ведь строители могли сделать это и без ее помощи! Но тогда *ее лип* там бы не было! И она остро почувствовала, как нужно и важно для самого человека сделать и оставить после себя что-то хорошее, не ожидая ничьей благодарности. Это было ее маленькое счастье – деревья прижились и еще долго будут зеленеть всем на радость.

После третьего звонка Германа Маша, наконец, твердо решила пойти. Во-первых, она не собиралась обижать его категорическим отказом. Он всегда был верным добрым другом и никогда ни в чем не отказывал. Во-вторых, она сама соскучилась по «своим» ребятам, и

любопытство разыгралось. Ну, а в-третьих, мама права. Хватит вести затворническую жизнь, не надо растравливать свои раны. К тому же он приглашает не в ресторан, а к себе домой, значит, обстановка будет домашняя, и можно будет немного расслабиться. А не понравится, всегда можно уйти. И Маша стала настраиваться на праздник.

Однако предвкушение приятной встречи омрачалось каким-то подспудным волнением. Столько лет не виделись! Лишь бы «ребята» (Боже, уже все давно взрослые мужики, замужние дамы, а для нее все «ребята»!) не стали выискивать на ее лице следы усталости, обид на жизнь и не начали бы ее жалеть. Только не это. Пусть лучше помнят, какая она была хохотушка. Сколько раз их «философ» на лекции пересаживал ее с подружкой на первую парту, чтобы своим смехом они не отвлекали аудиторию. Однако Маше он все прощал. Наверное, симпатизировал. Потому что она чаще и быстрее всех разгадывала его литературные загадки – то Эдгар По, то Василий Курочкин, то братья Жемчужниковы... Возможно, были и более начитанные, но память у нее была такая, «репейная» – зацепит и, нужно-не нужно, хранит в своих закромах. Вот такой пусть и помнят.

Ради этого она и с мамой посоветовалась, какое платье ей надеть. Яркое не хотелось, а вот свое любимое черное, очень даже скромное, но с бабушкиным кружевным воротником казалось ей в самый раз. В нем она чувствовала себя опять той, прежней – молодой, даже красивой. Но главное – независимой! Ведь с тех пор, как она выскочила замуж в конце третьего курса, она почти никого не видела. Ни в компаниях не встречались, ни по работе. Если только случайно.

Глава 3

Неожиданный поворот

Недалеко от дома Германа был любимый москвичами театр. На расчищенном от снега тротуаре по вечерам всегда толпился народ в ожидании «лишнего билетика». Опаздывавшие к началу спектакля решительно проталкивались к входным дверям, так что Маша предпочла обойти эту кипящую нетерпением толпу по мостовой и едва не угодила под машину. Легковая юзом скользила по укатанному шинами снегу прямо на нее. Маша буквально прыгнула обратно на тротуар, едва не сбив с ног стоявшего к ней спиной мужчину. Тот резко обернулся, чтобы выругаться, но увидев ее лицо, только крикнул: «Смотреть надо, куда прыгаешь!».

Поняв, что могло случиться через секунду, Маша на ватных ногах отошла к стене дома и, привалившись к ней, с закрытыми глазами, какое-то время стояла в ступоре, пытаясь уговорить колотящееся сердце. Потом накатила запоздалый испуг. «Господи, а ведь могла и не дойти! И никто бы не узнал, почему не пришла». Прошло какое-то время, прежде чем появились еще более серьезные мысли. «Что стало бы с мамой? Она бы не пережила. А с Виталиком? Андрей забрал бы его, но куда? Нет, нет, нет... Он не дурак... Но все равно.» Настроение было подпорчено.

Когда она, наконец, пришла в себя и взглянула на часы, то поняла – напрасно она взяла такой темп. Конечно, «точность – это вежливость королей», но все же это важнее для мужчин, чем для женщин. Она нашла нужный подъезд, потянула на себя старинную тяжелую дверь и вошла в плохо освещенный вестибюль. На четвертом этаже она остановилась в нерешительности перед знакомой дверью и прислушалась. В квартире было тихо. «Неужели еще никого нет? Может, стоит еще немного подождать?» – подумала Маша и осторожно позвонила. Тут же за дверью она услышала радостный голос Германа: «Мама, первый гость!» Маша насторожилась. Значит, она все-таки первая прискакала. Неудобно. Еще подумает...

Улыбающийся Герман схватил ее в охапку, закружил:

– Ну, Машка, ты молодчина! Я уже боялся, что не выберешься!

Потом взял у нее пальто, повесил на вешалку и тут же потащил за руку в комнату, где вкусно пахло печеными пирогами и ванилью. Никого из тех, кого ожидала увидеть Маша, еще не было.

– А где же остальные? – сорвалось у нее с языка.

– Сейчас будут, – ответил Герман и немного смутился.

Навстречу Маше с дивана быстро поднялась милая, уютная мама Германа, Людмила Георгиевна, чем-то похожая на актрису Ольгу Жизневу, и радостно протянула ей навстречу обе руки.

– Машенька, как я рада, что вы снова выбрались к нам! Почему вы так давно не приходили? – После этих слов она с улыбкой оглядела Машу с головы до ног и снова улыбнулась. – А вы все такая же! Ничуть не изменились! Вернее, изменились. Стали еще краше.

– А вы даже моложе стали, – улыбнулась Маша. – Наверное, за Германа меньше волнуетесь. Такого замечательного сына вырастили! И дома у вас все так же уютно и вкусно пахнет. Те же занавески, тот же чайник, кажется, даже тот же пуховый платок на ваших плечах.

Людмила Георгиевна улыбнулась.

– Все правда. За Германа беспокоюсь меньше. Он у меня замечательный! Мне с ним очень хорошо. А теперь он вообще самостоятельный мужчина. Если бы он еще женился на хорошей девушке, я была бы только счастлива. Тогда и мамина забота будет не нужна. Только доброе общение. Но повод поволноваться, как понимаете, у меня всегда найдется, – сказала Людмила Георгиевна и снова улыбнулась.

– Вы точно, как моя мама, – проговорила Маша успокаивающе. – Но не стоит волноваться. Все у Германа прекрасно устроится. – В этот момент ей даже захотелось приобнять эту милую женщину.

Мамы есть мамы. Сначала найдут тысячу причин для тревоги, а потом уговаривают себя, что все будет хорошо. Вот и ее мама все время пытается ей внушить, что развод – вовсе не конец жизни, а начало новой. Что все всегда как-то устроивается, и что все у нее будет хорошо, потому что Маша – «хорошая девочка». Ей тут же вспомнилась неунывающая Света Трефилова, с которой она работала в пионерлагере. «Ничего, Машка, переживем. Будет и на нашей улице праздник. Ну, так лет в семьдесят. Только надо *хорошо сохраниться*». Неужели придется ждать до семидесяти? Еще сорок лет «ходить по пустыне»? Не поздно ли будет это для счастья? Это мужчинам – никогда не поздно. Вон сколько примеров вокруг.

В комнате было как всегда тепло и уютно. Стол был почти накрыт – знаменитое одесское варенье из айвы янтарем светилось в стеклянной вазочке. Еще, вероятно, теплый, прикрытый салфеткой пирог, стопка маленьких тарелочек на углу стола.

Из Спидолы, что стояла на подоконнике, доносилась ария Сольвейг. Маша тут же вспомнила – последний раз, довольно давно, они с Германом были вместе в зале Чайковского, слушали «Пер Гюнта» в концертном исполнении. Но кто исполнял, совершенно не помнит. Да и неважно теперь.

Людмила Георгиевна легонько потащила Машу к дивану, взяла ее руки в свои.

– Ну, Машенька, устраивайтесь поудобнее и рассказывайте. Как живете, как Виталик, как мама?

Маша удивилась. Неужели она все про нее знает? Наверное, Герман рассказывал. Но от куда? Видно, земля слухами полнится. Собравшись духом, она начала было рассказывать про себя, про маму, про сына, про работу, как в дверь снова позвонили.

– Гера, открой, пожалуйста. Если не к нам, то я еще успею с Машенькой поговорить.

Маша с надеждой посмотрела на дверь. «Скорей бы пришли, а то как-то не очень хочется сейчас рассказывать. Не вовремя». Но звонок оказался к соседке, Герман быстро вернулся в комнату, и Маша легко перевела разговор на успехи Германа. Но он почти сразу стал ворчать, что мама преувеличивает, что у него – как у всех, и быстро переключился на кого-то из ребят. Потом они еще немного посплетничали о друзьях и общих знакомых, о планах на лето, а звонок все еще молчал. Маша начала слегка нервничать. А где же остальные? И она в этом платье... совсем не к месту. Словно на концерт собралась. Еще подумают...

И тут в дверь снова позвонили. Герман пошел встречать гостей и через минуту вернулся, пропуская перед собой незнакомку.

В комнату легко вошла девушка с аккуратной шапочкой мелких кудряшек шестимесячного «перманента», в темно-зеленой расклешенной по моде юбке и пестренькой кофточке, перетянутой кожаным пояском.

Людмила Георгиевна быстро встала с дивана и, шагнув навстречу новой гостье, взяла ее за руку.

– Знакомьтесь, пожалуйста. Это наша Раечка, новая подружка Германа. – И тут же, переведя взгляд на Машу, продолжила. – А это Машенька, старинный институтский друг Германа. Еще с первого курса. Я думаю, вы подружитесь, – сказала Людмила Георгиевна, приветливо улыбаясь смущенным гостям. Она пыталась сгладить возникшую почему-то неловкость, но вдруг сама почувствовала фальшь в своих словах. Да никогда они не подружатся. Сейчас, если останется Рая, Машу Гера навсегда потеряет. Жаль. Она этого не хотела.

Маша приподнялась со своего места и, улыбнувшись, протянула девушке руку.

– Маша. Очень приятно. Будем знакомы.

Эхом откликнулась гостья:

– Рая. И мне тоже очень приятно.

В этот момент обе гостьи лукавили, потому что ничего приятного в этой ситуации ни для одной из них не было. «Друг» и «подружка» – как это понимать прикажете? Что-то серьезное, даже мужского рода, и что-то не очень, но, пожалуй, более милое, теплое. «Наша Раечка». Из этих слов в воздухе сразу выткалось и повисло какое-то напряжение. Было в этой компании из трех женщин что-то странное, неестественное, и настроение Маши испортилось. Она почувствовала, что ничего веселого в это раз ее не ждет.

Маша осторожно, исподтишка поглядывала на девушку, пытаясь понять «кто есть кто». Ну, ладно, думала Маша. Она-то пришла на вечеринку к давнишнему приятелю, другу. А что здесь делает эта Раечка? Явно не друг, не соседка, не одноклассница, но кто же? Все очень странно. Его мама сказала «новая подружка». А Герман о ней даже не упомянул. А если это невеста? Тогда причем здесь она, Маша? И ей почему-то сразу стало неудобно, даже стыдно перед гостьей, захотелось успокоить: «Не бойтесь меня, я вам не соперница, я не собираюсь отбивать у вас Германа!» От этих невысказанных слов у Маши даже сбилось дыхание.

«Незнакомка» тоже с растерянностью посматривала на Машу – зачем здесь эта девушка в черном? И этот роскошный кружевной воротник? Тоже мне, «герцогиня»!

Она подошла к зеркальной двери шкафа и поправила прическу, которая и так была в полном порядке. И Маша невольно обратила внимание на ее длинные пальцы с ярко-красными ногтями и густо накрашенные ресницы. В остальном лицо было не очень выразительно – хорошенький, чуть «уточкой» носик, узкие, подрисованные помадой губы и остренький подбородок. Девушка была милая, даже хорошенькая, но Маша почему-то немедленно подумала – «никакая». Вроде продавщиц из универмага на Серпуховской площади. «Завтра на улице я бы ее, вероятно, не узнала».

Обе гостьи вели себя настолько скованно, что даже самый простой «светский» разговор не клеился. Маша думала, что в обычной очереди она нашла бы, о чем поговорить с незнакомой женщиной. Там были «подруги поневоле, по несчастью». А тут? Не подруга, не соперница, и для Германа совсем не пара. Не было даже зацепки. Но что она могла сделать в такой ситуации?

Ладно, будем ждать остальных ребят. Но народ явно «бастовал». Устав от этой двусмысленности, Маша все же потихоньку спросила Германа, где же ребята. Извинившись, он так же потихоньку ответил, что «так получилось... мама не очень хорошо себя чувствует, так что ребят он решил пригласить в другой раз».

И тут Маша окончательно поняла, что попала в какую-то ловушку, и чаепитием этот вечер не кончится. Надо все же постараться уйти первой. И это нарядное платье... Зачем она его надела? Теперь эта Раечка подумает... Но она же ничего не знала! А может, и Рая тоже. Да и Людмилу Георгиевну обижать не хотелось.

Непроизвольная взаимная симпатия между Машей и Людмилой Георгиевной возникла с их первого знакомства и сохранилась все эти годы. Когда Герман разговаривал с ней по телефону, мать неизменно громко, чтобы было слышно и ей, напоминала: «Передай Машеньке, пусть заходит в любое время. Пирожки испеку, чаю попьем, посидим, поболтаем. Почему не приглашаешь? Вы что, поссорились?»

Герман был отличным сыном. Он всегда был близок с матерью – делился своими радостями и проблемами, рассказывал про друзей. Благодаря этому Людмила Георгиевна не боялась одиночества в старости, чувствуя, что нужна сыну не меньше, чем он ей. И сердце ее наполнялось тайной радостью и гордостью за такой дар небес. От него же узнала и о Машинем неудачном замужестве, деликатно попеняв сыну, что тот не попытался удержать ее от этого шага.

Но, во-первых, какое *он* имел право что-то советовать, от чего-то удерживать? А во-вторых, все произошло так стремительно. Если бы он знал о ее планах заранее... Но и планов-то у нее не было! Взрыв какой-то! Сход лавины! Поэтому и после развода Герман, щадя Машино

самолюбие, старался не досаждать ей своим сочувствием. Он бы и рад помочь ей выкарабкаться, но как? Поэтому терпеливо ждал, пока рана немного затянется.

А теперь Маша сидела напротив его новой пассии, удивляясь его странному выбору, и билась над вопросом, зачем ему понадобилось придумывать какую-то вечеринку. Хотел показать невесту? Посоветоваться? Но женщины всегда относятся друг к другу ревниво, даже если это касается просто друга. Очень глупо. Пригласил бы Сергея, Женю, Юру – мало ли у него друзей... Или он... пригласил ее специально для мамы? Чушь какая-то. В любом случае, спасибо, но делать этого не стоило бы.

Наверное, от этой обиды Маша впала в какое-то странное, чуть отчужденное от времени и пространства состояние. Она будто увидела себя со стороны – непонятно чему улыбающаяся молодая женщина, с красивыми естественными волосами, в элегантном черном платье с узкой талией и пенно-кружевным белым воротником. Маленькая леди. И эта... как бы сказать... простушка из универмага... И тут же все стало на места. Кто бы ни была эта Рая, как женщина Маше она проиграла. Хотя... любовь зла.

Одновременно два противоположных чувства овладели ей – женское торжество и человеческая неловкость. Она пришла не для того, чтобы разрушить их отношения! Но и предотвратить неизбежное теперь уже было не в ее власти. Она должна принять это и не корить себя!

Маша и не догадывалась, что еще раньше у Людмилы Георгиевны стали появляться кое-какие, еще не вполне оформившиеся в план соображения на ее счет. Как любящая мать, она понимала, что после такого обидного и болезненного для Германа разрыва с Лорой, он не скоро сможет найти подругу по себе. Если только с отчаяния не кинется к первой попавшейся юбке. Нет, такого она не могла допустить. Она хорошо знала своего сына. Верный, преданный, но и жена должна быть ему другом, равным ему, а не только любовницей. Поэтому Раю она втайне от сына отвергла с первого знакомства, но сыну ничего не говорила.

Страх, что сын навсегда останется холостяком, она не испытывала. Знакомых девушек, которым Герман нравился и которые были бы очень не против выйти за него замуж, по ее мнению, у Германа должно быть достаточно. Но достойных она пока не видела, в частности и потому, что домой он никого из них не приглашал. На словах она его не торопила, но, вероятно, совершенно произвольно подталкивала поскорее найти свою половинку и создать семью – не всегда же у нее будут силы гладить ему рубашки и варить супы. А если с ней что-то случится? Да и время ее подошло обожать и нянчить внуков, а то умрешь нечаянно и не дождешься. С другой стороны, страшновато было, не нарвался бы на какую-то «метелку».

Герман с женитьбой не спешил. Теперь, спустя столько лет после разрыва с Лорой, он уже и сам не мог сказать, так ли сильно ее любил. Но, вероятно, оскорбленное самолюбие вытеснило из головы все следы прежних нежных чувств ко всему женскому роду. Он даже закрывал глаза и пытался представить на ее месте другую женщину – и ничего не менялось. Неужели все женщины стали одинаковы для него? Собственно, Лора и не была его женщиной, а просто детской любовью.

Теперь ему хотелось бы найти в женщине сильное ответное чувство, но то ли он его не видел, то ли не доверял, то ли сам не испытывал настоящей любви. Маша, которая ему всегда очень нравилась, больше не проявляла к нему интереса. Может потому, что он ей сказал когда-то про Лору? А потом еще выскочила замуж, ни словом не обмолвившись о своих планах. Это тоже было обидно.

И вдруг появилась Рая, простая, податливо мягкая, нетребовательная. Прогулки, кино, встречи у подружки дома – других развлечений не требует. Вроде бы, любит его или во всяком случае понимает, что вокруг нее таких как он – немного. А может, вокруг нее он вообще единственный такой – не пьющий, вежливый, интеллигентный. Ну, спит с ней, в кино иногда сводит. Встречаются они не часто, он все время на работе занят. А у других и этого нет. Она будет его ждать, терпеливо ждать, а там он привыкнет, что она всегда рядом. Ничего, еще все возможно.

Понимая это, Герман все же боялся согласиться на такую жизнь и продолжал метаться. Пожалуй, он уже привык к ней. Но хочет ли, чтобы она всегда была рядом? Он же не любит ее! А если попробовать? Она славная. Ну, не нужна ей консерватория. Ничего, приучит со временем. Кстати, а сам он – часто ли теперь там бывает? А вот маме была бы помощь. Хотя, что у него с Раей общего? Постель? Продавщица парфюмерного отдела Мосторга или кассирша. Какая разница? Добрая, хорошая, но – «пирог с ничем». О чем с ней говорить после работы? Только о борщах или расходах? Вроде считалочки получается – «В этой маленькой корзинке есть помада и духи, ленты, кружево, ботинки». А для души что?

Ну, а если все такие, как Лора или Маша, уже «заняты»? Не такой он мужик, чтобы в постоянном «поиске» метаться. Отбивать чужих жен – тоже не в его правилах. Значит, все равно придется жениться. Искать другую – тоже ни времени, ни желания нет. Если бы тогда Маша не поторопилась...

Те же мысли беспокоили и Людмилу Георгиевну. Она была уверена, что Раечка – не пара ее сыну. Но сказать ему такое она не смела. Просто заранее его жалела – когда сам разглядит, поздно будет. Вот и предложила сыну устроить такое чаепитие. Посмотрит, неизбежно начнет сравнивать. А потом женщины острее чувствуют. Маша сразу поймет – «его» или «не его». А он наверняка захочет посоветоваться. Может, Маша найдет нужные слова – все-таки старый друг. Да не может она ревновать. Хотела бы, давно бы отбила... А может, и сам Герман поймет, кто ему нужен – Раечка или какая-то еще. Вот и подала идею – пригласить обеих женщин вместе.

Пока Людмила Георгиевна выгружала из духовки новую порцию пирожков, Герман тщетно пытался завязать хоть какие-то узелки общего разговора, но ничего не получалось. К его счастью, довольно скоро в комнату буквально вплыла мама, неся перед собой огромное блюдо. От пирожков шел такой аромат печеных яблок и корицы, что невольно хотелось закрыть глаза и наслаждаться. Казалось, что она решила устроить пир. Но ради кого? Значит, Машини подозрения были не напрасны? Похоже, что эта Раечка все же чувствовала себя в доме потенциальной хозяйкой – она вскочила и стала помогать Людмиле Георгиевне разливать чай, разрезала пирог, раскладывала горячие пирожки по тарелочкам.

Изо всех сил стараясь сгладить двусмысленность ситуации, Людмила Георгиевна приветливо улыбалась обеим гостям, выдавала секреты своих волшебных пирожков, но скованность не исчезала.

Когда пирог был наполовину съеден, а замечательный фирменный чай «со слонем» выпит, Рая вдруг заспешила домой. Видно, ситуация была ей тоже в тягость. Герман пытался уговорить ее остаться, но Рая заупрямилась – завтра ей нужно было очень рано вставать. Тогда он вскочил, помог ей надеть пальто и, извинившись перед Машей, попросил не уходить до его возвращения. «Раечка живет близко, я скоро вернусь и провожу тебя». Однако и Маша вдруг заторопилась домой и потянулась было к вешалке, но Людмила Георгиевна быстро встала на ее пути и заявила, что одну ее она никуда не отпустит. «Вот Герман вернется и проводит вас хотя бы до метро». Она почти насильно снова усадила Машу на диван, а сама поспешила на кухню, где разбойным свистом уже сигнализировал вновь закипевший чайник. Через минуту дверь открылась и в комнату словно ворвался маленький паровозик – в такт шагам Людмилы Георгиевны из носика чайника с легким свистом вырывался пар. Обе женщины одновременно засмеялись. Людмила Георгиевна снова заварила свежий чай, разрезала остаток пирога, придвинула Маше вазу с пирожками и розеточку с янтарным вареньем.

– Машенька, я все вижу! Вы так и не попробовали мое варенье. Посмотрите на эту красоту! Сколько оттенков – от желтого янтарного до темно-красного. Хотите, я вам дам немного с собой? Ну, пожалуйста. Не отказывайтесь.

На столе, словно по волшебству появилась чистая майонезная баночка. Маша зачерпнула чайной ложечкой варенье, и капля его янтарной слезой упала обратно.

– Действительно, очень-очень вкусное. Это не комплимент, это честно. Наверное, у вас тоже особый секрет. Но с собой мне ничего не надо. Спасибо большое, Людмила Георгиевна. Не обижайтесь, ради бога. А к вам гости придут и будут счастливы.

– Ну, пожалуйста, Машенька. Мне будет приятно, маму угостите.

– А вот теперь попробуй, откажись, – засмеялась Маша. – Мама как раз его любит. Моя бабушка тоже айвовое замечательно варит. Но со всеми вареньями у меня какие-то особые отношения – я жуткая сладкоежка, а варенья люблю только некоторые. Еще и грушевое не очень люблю. Больше всего я люблю из белой черешни, «белгорон». Бабушка покупает ее на Тишинском рынке. Кажется, привозят ее из Белгорода. Но зато секрет варенья помню. Хотите раскрою? После того как сварится, надо обязательно добавить немного ванили – черешня не имеет запаха, а сверху в банку положить кружочек лимона, чтобы не засахаривалось.

– Вот спасибо за совет. Следующий раз обязательно попробую сварить черешневое. Никогда не варила. Тогда вы придете? – Спросила Людмила Георгиевна чуть кокетливо.

– На черешневое? Обязательно приду, – Маша улыбнулась ей в ответ.

– Вот и договорились. – Людмила Георгиевна помолчала, словно собираясь с мыслями. – Машенька, а еще я хочу задать вам один вопрос. Можно? Если не захотите, не отвечайте. Только честно, хорошо?

Удивленно взглянув на нее, Маша кивнула.

– Да-да, конечно.

– Почему вы не хотите выйти замуж за Геру? Он к вам прекрасно относится, вы столько лет дружите. Мне казалось, что и вы к нему не совсем безразличны. – Людмила Георгиевна сделала паузу и внимательно посмотрела на Машу. В комнате было так тихо, что сразу стало слышно, как тикают где-то рядом часы-будильник, а на кухне кто-то возится с кастрюлями.

– Может быть, вы боитесь, что Герман не сумеет полюбить вашего ребенка? Так у него просто никогда не было детей, он не понимает, что такое любить детей. Но это приходит! Он научится, я вас уверяю.

От неожиданности Маша онемела. Вопрос застал ее врасплох. Что это? Просто материнское любопытство или разведка боем?.. Такие слова из уст матери звучали как предложение, попытка сватовства, но это было вдвойне странно... Герман никогда не задавал ей такого вопроса.

Маша была абсолютно не готова к такому повороту и сразу не могла сообразить, что же она должна ответить. Ей хотелось крикнуть: «Это нечестно! Этого нам не задавали!». Давно забытое чувство, что вызывают к доске, а урок, как назло, не выучен. Но после минутного шока она попробовала собраться с мыслями.

Сказать, что она не любит обожаемого ею сына? Не стоит. Конечно, Герман – замечательный парень, и когда-то он ей нравился, но никакой любви не было, а теперь и подавно все прошло, и ничего, кроме теплой дружбы, уже невозможно. Разве может она обидеть эту чудную женщину, страдающую за сына? Жизнь ему посвятила, отказалась выйти замуж за прекрасного, любящего ее человека, опасаясь, что сын не примет другого мужчину в доме. Где найти нужные слова?

Мысли смерчем крутились в мозгу. Во-первых, Герман никогда не делал ей официального предложения. Всякие шуточные разговоры не в счет. Потом, где это видано, чтобы мать предлагала руку и сердце своего сына? Он же не калека, мог бы и сам спросить. Почему? Боялся получить отказ?

И тут Машу вдруг полоснула неприятная мысль. Значит, это все-таки были «смотрины потенциальных невест»? Скорее бежать... Она не хочет, чтобы ее сравнивали, выбирали, как на базаре. Если эта встреча – идея его мамы, и Герман был с самого начала в курсе этой затеи, то он просто слабак. К тому же, он должен скоро вернуться. Застав ее, он сразу поймет, о чем

был разговор. Ничего себе сюрприз. Ей так нравилась Людмила Георгиевна, и вдруг... такая... такая бестактность.

Маша сидела, опустив голову, не решаясь посмотреть в глаза матери Германа. Покрывшееся густым румянцем лицо похорошело, но глаза смотрели испуганно.

– Поверьте мне, Людмила Георгиевна. Сейчас я ничего не могу вам ответить. Я еще не вполне свободна. Ни юридически, ни от моих прежних чувств. Я не хочу обманывать – ни вас, ни Германа. Спасибо вам за все, за пироги, за чай, за ваше доверие и за Германа. Простите меня... (А за что?) Пожалуй, я пойду. Не волнуйтесь, сейчас еще не поздно, и у нас в районе всегда спокойно.

Она торопилась уйти, чтобы не встретиться с Германом даже на лестнице.

На следующий день она собралась, чтобы снова не почувствовать себя нерадивой ученицей, и позвонила.

– Пожалуйста, очень прошу, не обижайся на меня и маму попроси понять. Может быть, ты сам еще не уверен, что Рая – твой окончательный выбор, не торопись. Но в любом случае, я не собираюсь отбивать у нее жениха. Это ваше или твое дело. Сама я совершенно не готова второй раз выскакивать замуж. Встречаться с тобой просто так, морочить тебе голову я тоже не могу. Останешься моим другом – буду рада.

Герман долго молчал.

– Я буду тебя ждать. Только скажи честно, сколько лет ждать твоего ответа. Год, два, три? До тридцати? До сорока?

Маша удивилась такому удивительному вопросу...

– Ладно. До тридцати с хвостиком, – игриво выговорила она.

– А сколько это, «с хвостиком»? – голос его погрустнел.

– Надо подумать. (А это уже кокетство!) За вечер огромное спасибо. А то настроение у меня и, правда, отвратительное. Совсем как погода в ноябре. Вообще, мне нужно отдохнуть, о многом передумать, себя понять.

Герман слушал ее молча, не перебивая, не задавая вопросов, казалось, что там, на другом конце телефонного провода никого нет. Означало ли это – «Только не молчи, скажи еще что-нибудь. Только не молчи», Маша не понимала и терпеливо ждала хоть какой-нибудь реакции. Ей самой было в этот момент страшно, и ее молчание означало: «Не обижайся, не клади трубку, просто живи, будь где-то рядом, думай обо мне как старший брат, звони... И мне будет хорошо, что я могу с тобой поговорить».

Сколько минут они молчали?

Маша действительно боялась нечаянно оттолкнуть Германа. Его поддержка была так нужна ей. Поэтому ее тон, ее слова звучали как оправдание, как немая просьба – останься. Поэтому она снова заговорила.

– Я так безумно устала за все эти годы, что, кажется, прошло двадцать лет, а не семь. Да и мама тоже. Надо куда-то поехать, сменить обстановку. Может быть, в Прибалтику или в Крым. Но мы еще не решили. А пока я занята по горло. Буду брать вторые смены, чтобы отгулов побольше накопить. Но звонкам твоим буду рада, а придешь в гости – мы все будем только рады. Также что-нибудь испеку, я у бабушки многому научилась. Кстати, если пригласишь в консерваторию – обязательно выберусь.

Все, что она произнесла, было чистой правдой. Ее раны были слишком свежи и болезненны. А потерять Германа-друга ей вовсе не хотелось. Это было бы чересчур.

Узнав о разговоре, Анна Савельевна тоже слегка удивилась. Если сама «будущая свекровь» вызвалась быть свахой, значит, Машу она определенно любит. Да и Маша признавалась, что мама Германа ей нравится. Жаль только, если больше, чем сам Герман.

Она и раньше не могла понять, почему дочь так упрямо говорит «нет», если она спрашивала ее о Германе как о «женихе». Такой славный, порядочный парень и, кажется, любит ее. Какого принца она ждет?

Теперь, после развода, Анна Савельевна будто бы пыталась подсказать Маше, что брак это не только сумасшедшая любовь, что должна быть хоть крупинка разума, рассудка... Что жизнь – это не бассейн о двадцати пяти или даже пятидесяти метрах... И что нужна надежная лодка, чтобы переплыть этот океан тревог, забот, невзгод, потерь... Ей так хотелось, чтобы дочь была по-настоящему счастлива. И почему дети так упрямы? Боже, сколько правильных слов можно произнести вслух, а жизнь все поворачивает по-своему...

И все-таки, первым, кто снова заставил Машу улыбнуться, был Герман. Он вернул ее к жизни. Его внимание было ей дорого и приятно, вроде первых лучей весеннего солнца. Ее глаза отвыкли от яркого света, было необходимо, чтобы кто-то постоянно напоминал ей – скоро будет весна и все будет хорошо.

Герман словно почувствовал это и не отступал. Поняв ее состояние, он продолжал звонить, приглашал то на выставку, то в зал Чайковского, но ей никуда не хотелось идти, ничего не хотелось ни видеть, ни слышать. С тех пор, как она ушла с той несурзной вечеринки, ничего, вроде бы, не изменилось, но Герман, то ли в шутку, то ли всерьез, время от времени продолжал напоминать о названном ею же сроке – «тридцать с хвостиком» и при этом улыбался! Сердце Маши медленно, но все же освобождалось от оцепенения.

Боже, как давно это было. И было ли вообще? Как только она доберется до дома, надо будет обязательно позвонить Герману. Может быть, удастся еще хоть разок увидеться в Москве? К ней он точно не выберется. Заслуженный деятель науки, профессор, бывший проректор по науке, а денег на поездку вдвоем с женой – нет. Профессор! Не Киркоров ведь, не Басков. И не академик. Предлагала – давай, закажу билеты отсюда, категорически отказался. Гордость. И понятно. Маша тоже отказалась бы – не родственник все-таки. Успеть бы увидеться. А то «в мире ином...»

Маша все смотрит на волны и думает, что в эту минуту тысячи кораблей бороздят океаны, и за каждым тянутся клубы дыма, и также далеко разбегаются волны, и кто-то обязательно не спит в такую ночь и тоже вспоминает, вспоминает, вспоминает...

Может быть, не следовало бы всем так торопить события? А вдруг все сложилось бы само собой? Случись тот разговор через полгода-год, после смерти машиной мамы, кто знает, может быть и не отвергла бы она предложение мамы Германа. С отчаяния ли, из страха ли остаться навсегда одинокой, «безмужней». Хотя... Если честно, то Герман никогда и не был «героем ее романа».

Маша снова нашла свой «Южный крест» и попыталась отыскать хотя бы Центавра. Но почему-то не могла найти нужную звезду. Она даже подумала, что хорошо бы завтра спросить у капитана или его помощника – эти наверняка должны знать. Только бы не забыть. Она глубоко вздохнула и снова погрузилась в свои воспоминания. Вот так, наверное, и мама в августе шестидесяти пятого смотрела на безлунное южное небо, что-то вспоминала и думала о случайности встреч и необъяснимых расставаний, о тайне любви, о несбыточности ожиданий и напрасных надежд, о нелепости любой, безвременной или естественной смерти, одинаково неотвратимой для всех живущих.

Если бы они тогда с мамой не поехали в Крым... Если бы не поехали... Или сразу вернулись бы из той проклятой Богом гостиницы. Если бы Герман... Вот если бы все эти «если бы» не спрессовались в один короткий промежуток времени! Безразличный ко всему на свете, ненавистный «союз, соединяющий части сложно-подчиненного предложения», а на деле – разъединяющий и ломающий судьбы. *Если бы...* Назойливые шесть букв, за которыми оборванная жизнь и несостоявшаяся судьба.

Пересиливая наваливающийся сон, Маша открыла глаза и снова стала вглядываться в сторону горизонта. Медленно проплыл вдалеке еще один невидимый лайнер, подмигивая своими желтыми бисерными огоньками. Она вздохнула, подняла глаза небу, и непрошеное воспоминание рассеялось. Величие небесной красоты приводило в трепет. Кто мы на этой Земле? Зачем нам дано видеть, восторгаться, если потом все это чудо неизбежно и безжалостно будет отнято, как любимая игрушка у расшалившегося ребенка?

Маше вдруг показалось – где-то совсем близко стоит мама и, касаясь ее плеча рукой, говорит: «Иди, доченька, поспи. Я за тебя здесь подежурю». Машу почему-то не смущает ни присутствие мамы, ни ее слова. Она хочет «покараулить» ее звезды? Наверное, ей тоже хочется постоять у воды, потому что звезды все равно скоро растают, как только первые лучи солнца...

Ей так хочется обнять маму, сказать, как она ее любит, как она нужна ей, и как хорошо, когда она тут рядом, и ей ничего не надо бояться.

Слезы катятся по ее щекам. Но мама слегка подталкивает ее. «Иди, иди, доченька. Надо поспать. Сон – это очень важно». А Маша стоит у перил, и нет у нее сил двинуть ни рукой, ни ногой. Она не в состоянии оторвать глаз от этой картины, знакомого зрелища. Все та же бурлящая под кормой вода, те же убегающие от бортов волны и тающие пенные гребешки... Картина гипнотизирует. Надо что-то ей сказать. «Вот если бы мы, если бы мы...»

Мама смотрит удивленно. «Ничего бы не изменилось. Рано или поздно, было бы то же самое». «Что именно – то же самое?» – недоумевает Маша.

Убегают кружевные волны, спешат, торопятся. А куда? Все тот же океан, все та же вода и то же небо. И никуда не убежать. Только разбегутся они, слабея и умирая вдали, чтобы когда-нибудь вновь стать хищной пастью могучего девятого вала. Успокоится, разгладится на время спина океана, чтобы вновь подставить ее ласковым или беспощадным ветрам. Пройдет лайнер, пройдут сотни, тысячи, и ни один не повторит абсолютно точно этот маршрут, лишь приблизительно, но точно так же затянутся на поверхности океана новые шрамы и морщины. Не в состоянии ни заснуть, ни прогнать сон, сомнамбулой Маша идет в каюту, ложится и, закрыв глаза, продолжает диалог сама с собой.

Глава 4

Мистер х

Ну, хорошо. Теперь-то она может себе признаться, зачем ей понадобилось на третьем курсе, сломя голову, выскакивать замуж? Были же чудесные друзья, ни на что не претендующие, хорошие приятели, явные и давние поклонники, подруги, хорошая компания... Она не жаждала вырваться из дома, в котором ей было так хорошо и уютно, и не была обуреваема страстью, которая сокрушает все препятствия на своем пути. Так что же произошло?

Андрей. А может, его настоящее имя было вовсе не Андрей? Может быть, не стоит сейчас беречь свое сердце, а может быть, и его, Андрея, вечный покой? Но боль, как заноза в ступне, сопровождала каждый его или ее шаг и не отступала почти никогда. Никто из них не мог себе представить, как они смогут продолжать жить после всего, что произошло... Собственно, ничего не произошло. Просто расстались два человека, очень нуждавшихся друг в друге, а может быть, и созданных друг для друга, но так и не сумевших побороть обстоятельства.

Был ли он необыкновенным человеком или просто необычным? Любая оценка человека всегда субъективна и привязана ко времени. Для нее тогда он был необыкновенным. Возможно, таким и остался. Ни она не была той, что должна была бы быть рядом, ни обстоятельства не позволили, чтобы «неотшлифованный алмаз», как назвала его Машина ближайшая подруга, превратится в бриллиант. Но при всех своих восторгах его способностями, самобытностью и многогранностью талантов Маша ровно ничего не могла дать ему, кроме своей почти детской любви, нежности, неумелой заботы и внимания. Она не была готова к жертвенной любви.

Вы скажете – это очень много! Вероятно. Но, как часто бывает, даже огромных богатств не всегда достаточно, чтобы осчастливить одного бедного. Или хоть что-то изменить в жизни человека, обремененного проблемами и бедами нескольких жизней, а то и нескольких поколений. Исправить непоправимые ошибки истории.

Где было найти тот «невесомый» довесок духа, облаченного в материальную сущность, который помог бы перевесить тяжесть житейских проблем, не поддающихся простому решению?

Если бы все это она понимала с самого начала, решила бы она связать свою единственную жизнь с этим человеком? Не знает... Видно, недаром существовал в старину обычай сватовства, когда выбирали не просто жениха или невесту, а семью. Как у Машиного дедушки.

Тогда зачем же?..

А может, она побоялась (в свои-то двадцать лет) остаться старой девой? Но это ей вовсе не грозило. Хотя и не «писаная красавица», а просто хорошенькая, очень милая девушка, разве что не очень уверенная в себе. А еще добрая, интеллигентная, начитанная. Друзей и поклонников достаточно. И все – отличные ребята, умные, воспитанные, хотя не все одного с ней круга.

Правда, в то время почти все женились рано, по первой любви, если посчастливилось встретить взаимность. Была ли это любовь или только внезапная вспышка страсти, увлечение? Никто это не исследовал и не взялся бы. А если бы и попытался, кто бы стал его слушать? Разве можно проанализировать запах цветов? Если только химия. А так – только эпитеты: свежий, нежный, душиловатый, сладковатый... В основном, производные от имен существительных – сиреневый, ландышевый, гвоздичный, ванильный... Только ученый в состоянии расчленить красоту на составляющие, а запахи – на формулы и молекулы...

Вот и выбрала она Андрея, смутившего ее сердце обаянием своего интеллекта в сочетании с колдовством дивной музыки. И показалось, что другого такого, «особенного», на свете нет и не будет. В искренности его чувств она не сомневалась.

Когда он появился в Машинной жизни, Анна Савельевна немедленно почувствовала, что на сей раз это что-то серьезное. На осторожный ее вопрос, как зовут ее нового друга, какой он из себя, что за человек, Маша смущенно ответила, что «зовут его Андрей». Какой он? – «Серенький» и очень хороший.

Краткости информации Анна Савельевна не удивилась – вероятно, все еще только начинается, но эпитет «серенький» восприняла как шутку. Вот уж в чем она была уверена, так это в том, что ни с «серым», ни с «сереньким» Маша никогда не свяжется. Как потом скажет Андрей, в их семье царил «культ интеллекта».

Учился Андрей блестяще, выделяясь среди многих в группе, да и на курсе. Прекрасно рисовал, хотя денег у него хватало только на небольшой набор гуаши из трех-четырех цветов и альбом с дешевой бумагой. Можно было удивляться острому символизму его удивительных картин. Современные художники-профессионалы могли бы позавидовать – воображения ему было не занимать.

Музыкальный слух у Андрея был тоже великолепный, возможно – абсолютный. Проводя Машу после лекций домой, он пел ей замечательные романсы, арии из опер и нежные песни о любви. Прохожие на них смотрели, улыбались, оборачивались. Маша смущалась под этими взглядами, но Андрей не обращал никакого внимания. Будто в этот момент весь мир переставал для него существовать.

Больше всего волновала Машу его любимая ария Мистера Икс из «Принцессы цирка»:

*Цветы роняют
Лепестки на песок.
Никто не знает,
Как мой путь одиноч.
Сквозь снег и ветер
Мне идти суждено,
Нигде не светит
Мне родное окно.
Устал я греться
У чужого огня.
И где то сердце,
Что полюбит меня?
Живу без ласки,
Боль свою затая.
Всегда быть в маске —
Судьба моя.*

Пел он с таким искренним чувством, что Маше казалось, он поет ей о себе, взывая к ее сердцу, и сердце ее дрогнуло. Никто из ее поклонников не осмеливался петь для нее на улице. Такого с Машей еще не было. Она была уверена, что слова обращены именно к ней, и только она в состоянии изменить к лучшему судьбу своего возлюбленного. Она нужна ему! Она спасет его!

Окончив школу с золотой медалью, Андрей твердо решил, что будет учиться дальше, а не прозябать в своей «курортной глубинке». Город, в котором он жил почти всю сознательную жизнь, был хорошо известным и желанным местом отдыха для всей страны. Со всего Союза народ рвался сюда «урвать» свою долю курортного счастья – покупаться, позагорать, подышать

волшебным морским воздухом, насыщенным дурманящими ароматами тропических цветов, закрутить на 24 дня ни к чему не обязывающий роман.

Для образованного человека, если он не врач, не учитель, не инженер по санаторному оборудованию или специалист по обслуживанию морского порта, нормальной работы там почти не было. Вероятно, были на побережье несколько мало кому известных, закрытых НИИ, как Морская лаборатория, но попасть туда было весьма сложно. Требовалось хорошее профессиональное образование и, желательно – с рекомендацией или направлением на работу. «С улицы» в такие места брали редко. Поэтому, как часто бывает, средний интеллектуальный уровень жителей городка располагался где-то между столицей и глубокой провинцией.

Перед тем как уехать, Андрей последний раз навестил своего любимого учителя математики, прозванного учениками «Абама», с ударением на последнем слоге. Когда в классе начинали разговаривать, он обычно повторял: «На уроке не болтать надо, а *слушать!* Абама *ухами* слушать!» «Абама», в обычной жизни Петр Сергеевич Смоленский, интеллигент старой закваски, имел за плечами какой-то долгий грустный опыт и жил как-то в тени, но ребята его любили. Он сумел вложить много полезного в их еще почти пустые головы.

Узнав о планах Андрея, Петр Сергеевич похвалил его и сам порадовался – пусть хоть один талантливый самородок вылезет, наконец, из этого болота. В то же время ему стало грустно – еще одним хорошим парнем в городе станет меньше. Уезжают самые умные ребята, угасает последняя надежда, что город когда-нибудь станет интеллигентным, культурным центром. Ну, подрастет следующее поколение, лучшие опять уедут, чтобы не возвращаться... Он бы тоже на их месте... Но для себя он уже давно решил – никуда и никогда не уедет. Поздно. Да и здоровье не то. А пока его цель, его долг – дать этим ребятам лишний шанс вырваться отсюда.

Обняв Андрея на прощанье, он напутствовал: «Езжай-ка ты, Андрюша, прямо в Москву. Там много прекрасных институтов. Найдешь по душе и дерзай! А способностей и упрямства тебе не занимать. Хочешь, напишу тебе характеристику от своего имени? Кстати, помнишь Пересветову, из предыдущего выпуска? Пишет мне иногда. В прошлом году в университет поступила, на физфак, и снова отличница. Вот и у тебя все получится. Только учти, зимой в Москве холодно». Он знал, что ни собственного костюма, ни теплого зимнего пальто у Андрея не было – летом они были никому не нужны, а по-настоящему холодные зимы у них случались редко.

Получив на руки аттестат зрелости и медаль, с характеристикой «Абамы» в кармане Андрей немедленно побежал на вокзал. Часть денег на билет в Москву ему наскребли родители, часть он смог заработать сам, помогая Петру Сергеевичу натаскивать «средняков» к вступительным экзаменам в институт, а отстающих – к переэкзаменовке в конце лета. После покупки билетов от всех денег оставалось еще немного «на первое время».

Выделявшийся не только в школе, побеждавший на районных и городских олимпиадах, Андрей легко поступил в престижный московский вуз. На собеседование пришел в черной отцовской форме морского офицера, с кителя которого были сняты погоны и знаки различия, но пуговицы начищены до блеска. На брюках выделялась четкая «стрелка», а застиранная до ветхости белая рубашка была подсинена, накрахмалена и отглажена до хруста. Никакой другой одежды у него не было.

Первое время кое-кто из сокурсников считал это просто пижонством – форма Андрею явно шла, но отслужить три года на флоте парень никак не мог хотя бы по возрасту, тем более – дорасти до офицерского чина. Матросам же кителей не полагалось. Но со временем к его форме, как и к его неторопливой походке «праздного наблюдателя» с гордо посаженной головой все привыкли, и уже никого не волновало, почему он так одет. Большинство ребят было одето весьма «разноперо». Нормальных пиджаков видно почти не было, вместо них носили, в основном, перешитые из отцовских кителей и брюк курточки или вигоневые свитера, одинаково скучных серо-сине-коричневых тонов. А в сильные холода «наряжались» в неразлично тем-

ные, тяжелые зимние пальто с дешевыми цигейковыми воротниками и шапки-ушанки. Обитатели общежития, по-студенчески – общежитейцы, часто прибегали на занятия без пальто. Спасало то, что почти все студенческие корпуса были в одном-двух кварталах ходьбы от учебных. В экстренных случаях пальто можно было попросить взаймы на время у заболевшего соседа по комнате.

Но после первых же холодов он почувствовал, что без пальто ему не выжить. Так что сразу после зимней сессии купил билет и отправился домой, чтобы привезти старую отцовскую шинель. Провожать девушку пешком, в одном костюме, когда на улице мороз минус пятнадцать и метет метель, было выше его сил.

Жить Андрею приходилось только на стипендию да на случайные заработки от разгрузки по ночам вагонов на Московской Сортировочной. Помимо этого, по вечерам и выходным он чертил кому-то эссе, делал курсовые проекты, успевая раньше всех получать свои зачеты и досрочно, на пятерки сдавать сессию, чтобы успеть съездить домой на недельку-две, повидать мать, братишку и немного отогреться.

Но так «везло» не всем. Безумно худой парнишка из Машиной группы, Коля Нестеров, в круглых очках с веревочками на затылке, продержался два года. Пальто у него тоже не было, только одна курточка, явно перешитая из старого шевиотового пиджака с клетчатой кокеткой и такими же карманами. Работать по ночам на Сортировочной у него не было ни сил, ни подходящей одежды. Осенью и зимой он ходил постоянно простуженный, одно ухо у него было забинтовано из-за хронического отита. В группе его все жалели, хотели бы ему помочь, но как сделать это деликатно, никто не знал. Просить помощи в деканате тоже никто не сообразил. В стае шумных ребят-сокурсников Коля чувствовал какую-то свою «неполноценность», поэтому смущался, когда к нему обращались, избегал пустых разговоров и немного сторонился, чтобы «не навязывать» свое присутствие. Девочек он тоже обходил стороной, боясь пренебрежительного взгляда. Они, в свою очередь, не желая нечаянно обидеть каким-нибудь неловким словом или смешком, тоже «не замечали» его. Бедность и болезни не давали ему шансов встать на ноги.

Маша за него искренне переживала, но почему-то ей тоже ни разу не пришло в голову просто пригласить его к себе домой пообедать вместе, позаниматься – она тоже стеснялась. Если и мелькала у нее такая мысль, то была уверена – он не придет, подумает, что зовут из жалости. Теперь она думает, что могла и ошибаться. Он мог прийти и был бы хоть раз счастлив чьим-то вниманием к себе. Только однажды, заметив, что подошву единственных туфель-полуботинков он стал подвязывать тонким электрическим проводом, на переменке ребята из группы вдруг скинулись своими «обеденными» деньгами и купили ему ботинки. Покрасневший до ушей, смущенный Коля долго отказывался от подарка. В конце концов, общими усилиями его уговорили, и большая заслуга в этом была именно Германа. «А если ты мог бы кому-то помочь, разве... Ты должен быть здоров, чтобы дотянуть до диплома». Но спасти Колю им не удалось. Плохо одетый и всегда голодный, он продолжал мерзнуть, простуживаться и маяться с воспалением уха. Промучившись таким образом еще год или два, Коля вынужден был уехать домой, где вскоре умер от воспаления мозговых оболочек.

Откуда был сам Коля, из какого города, из какой семьи, Маша так и не узнала. Вспоминая о нем, Маша продолжала мучиться угрызениями совести, она не могла себе простить, что постеснялась вовремя протянуть ему руку помощи, принести ему папин старый свитер или папины ботинки. Папа бы понял и разрешил, а Колю она могла бы уговорить. Инфантильная дура или эгоистка? Теперь она нашла бы слова. Может быть, поэтому она так и не смогла забыть его лицо, его взгляд – глаза в глаза и его смущенную улыбку...

Кстати, а скольких она помнит из своего потока? Хорошо – только, пожалуй, два-три десятка. Герман (будущий проректор), стихоплет Саша (ушедший в научную информацию), три Жени (двое из них – ее поклонники и, как минимум, один профессор), талантливый Иго-

рек (он был такой subtilный), супер серьезный Изъяслав (будущий директор), лукавый Слава (тоже профессор), теоретик Юлик, красавица Ирочка, умница Дима (крупный ученый, завкафедрой), неудачница Неля, а еще Таня и три Аллы в одной группе. Эх, ребята, ребята! Где вы сейчас? А ты, Андрей? Из какой галактики смотришь на нашу грешную землю, где все люди – грешники?

Андрей, как большинство столь одаренных людей, был человеком неординарным и очень сложным. Именно эта неординарность изначально приковала к нему Машину внимание.

А что, если в ней он просто нашел тогда благодарного, отзывчивого слушателя, и пением своим он признавался в любви не столько к ней, к Маше, сколько к самой музыке? Музыкой он пытался восполнить то, что требовала и не получала его душа, а Маше казалось, что он поет ей о себе, взывая к ее ответным чувствам... Зачем теперь искать разумные ответы и объяснения?

Кроме прочих особенностей, в Андрее жила удивительная честность и «камертонная» чувствительность к несправедливости жизни. Если и существовало в нем сознание собственной незаурядности, оно вовсе не помогало ему найти точку опоры в этом плохо устроенном, трехмерном мире и смириться с его противоречиями. Вероятно, ему нужно было свое, четвертое, «духовное» измерение, которого он не находил. Может быть, таким как он, не хватало утраченной веры в доброту людей и справедливость Бога? Но приземленная, подогнанная «к случаю» религия его тоже не устраивала.

Он был «блуждающей звездой» в отнюдь не солнечной системе человеческих отношений. Он считал, что основное население Земли, даже самые образованные – примитивные люди, которым зачем-то нужна вечная жизнь, но при этом они постоянно и яростно враждуют и безжалостно истребляют друг друга. Что никакого бессмертия тела и души нет. А любовь, секс, дети – это просто ловушка, защита от страха перед вечной тьмой, смертью. Иллюзия бессмертия.

Когда Андрей начинал утверждать, что существование людей сводится к животной жажде жить и «разумному эгоизму», Маша возмущалась и отчаянно выискивала аргументы, оспаривая каждый его тезис. Она соглашалась с очевидным – мир устроен на редкость плохо. Кто-то вынужден жить в жаркой пустыне, кто-то в вечном холоде. Разные природные условия, разные ресурсы, вот и получается «рента второго рода». (Уроки политэкономии еще были свежи в памяти.) Кому-то удается получить хорошее образование, кому-то нет. Кто-то беден, а кто-то богат – это уже социология. Кто-то здоров от рождения, а кто-то болен – это генетика. Это трудно исправить быстро, но со временем... Все человечество меняется... Социализм – разве это плохо? Каждому по труду... Жизнь становится другой, и когда-нибудь...

Но в глубине души Маша понимала: это всего лишь «общие слова», чужое знание. Что будет дальше – никто не знает. А то, что обещал Кампанелла, вряд ли сбудется. Да и нужно ли это людям?

Споры были долгими и утомительными. Ей было всегда интересно слушать Андрея, а ему было лестно найти человека, который согласен долго и терпеливо выслушивать его мнение по разным вопросам, пусть даже не соглашаясь с ним. Ребята из общежития такие разговоры не воспринимали, считая, что он просто слишком умничает...

За этими спорами они забывали, что оба шли на свидание, а не на научную дискуссию. Порой Маша чувствовала, что опять не нашла нужных аргументов, что опять проигрывает спор, но она была уверена в своей правоте и надеялась, что в следующий раз обязательно сумеет ее доказать! Потом они расходились по домам, и каждый оставался при своем мнении. Переубедить его не удавалось.

Временами ей даже казалось, что, возможно, он во многом прав. Но было в его аргументах и доказательствах что-то абстрактное, несправедливое и обидное по отношению к ее семье. Одновременно она чувствовала, вернее, начинала подозревать, что в сердце Андрея

есть какая-то непроходящая боль, горькая обида, незаживающая рана, которую он старательно хочет залепить пластырем своих хорошо продуманных аргументов.

Но Маше нравилась эта нестандартность Андрея. После него ей трудно было представить, о чем можно говорить со всеми ее друзьями-мальчишками, которые вдруг начнут рассказывать про вчерашний футбол, про кино, которое «надо обязательно посмотреть». Круг чтения в те годы тоже был у всех примерно одинаков – школьная классика, которая всем изрядно надоела. Андрей же легко оперировал словами и понятиями, которые открывали ей какой-то новый мир. Прекрасно владея немецким, он играючи сдавал необходимые «тысячи» знаков перевода в неделю, легко общался с преподавателем, а в свободное время читал какие-то диковинные книги по психологии человека и журнал «*Jahrbuch für Psychoanalytic*».

Так вот откуда он черпал все новые аргументы, чтобы убедить ее! Но в чем? Что жизнь плохо устроена? Что жить не стоит? Слишком поздно Маша поняла, что все его поиски правды свелись к простому объяснению – все горести человечества кроются в двойственной природе «царя природы» – маленького, хрупкого человека. Любовь и голод правят миром.

Для Маши его странный, удивительный взгляд на жизнь был настоящим открытием, потрясением. Андрей будто нечаянно посягнул на благополучие многих людей, в том числе и ее семьи. Это казалось ей несправедливым. До того момента неустроенность человечества в целом ее не так остро волновала, хотя за несчастных и обездоленных она всегда переживала. Как мама. Но в то же время, люди такие разные, но такими их создала природа! Мужчины и женщины, здоровые и не очень, высокие и низкорослые, голубоглазые и кареглазые, белые и черные... Но почему же в обществе всегда были и есть честные и нечестные, работающие и ленивые? Может быть в этом причина, откуда берутся бедные и богатые? Да и потом. В коммунизм, который раздаст всем поровну счастья, она и тогда не очень поверила, как и во всеобщую, умозрительную справедливость. Одинаково ли само понятие счастья?

Порой думая об этом, Маша приходила к выводу, что никаких рецептов глобального переустройства мира пока никем не найдено, поэтому и сама поисками не занималась.

Это только в теории людей можно заставить жить «по совести», работать с полной отдачей и получать по заслугам. В жизни почему-то часто все наоборот. Школьный учитель нищенствует, а продавец овощного магазина – купается в роскоши. Да и государство, когда вмешивается, только вредит. Вот, чукчи. Привыкли жить в теплых чумах из оленьих шкур, питаться свежей рыбой и передвигаться на собачьих или оленьих упряжках. Разве они стали счастливее, живя в промерзающих бетонных домах, питаясь консервами, в ожидании, когда подвезут продукты/керосин/бензин или спирт, чтобы «согреться»?

А что касается ее мамы, то из своей зарплаты она половину раздает бабушкам, теткам, которые по злему року остались с нищенской пенсией или вообще без нее. Она и чужим помогает. А если бы раздала все, то иначе, как «блаженной» ее никто бы и не называл. Ее и без того подруги зовут мать Игуменя.

Маша, выросшая в тепличной обстановке уютной интеллигентной семьи, порой воспринимала рассуждения Андрея чуть ли не как «высший суд справедливости», его слова лишь настораживали ее, но не отпугивали. Сейчас ей даже представить трудно, почему она сразу не убежала прочь от его столь депрессивного восприятия мира. Если бы она могла открыться маме, посоветоваться! Просто чувствовала, что маме это не понравится, и она начнет ее отговаривать от общения с этим юношей. Она была уверена, что со временем сама с этим справится, потому что верила в целительную силу своей любви и человеческого тепла.

После этого к ее девическим мечтам о необыкновенной романтической любви, как в «Гранатовом браслете», стало примешиваться зарождающееся чувство материнской жалости к этому нищему «принцу» из общежития. Пусть он прав, кругом полно несправедливости и жестокости, но много и прекрасных, добрых, самоотверженных людей, и на них держится мир. Она хочет помочь ему обрести «точку опоры», чтобы хоть немного изменить мир к лучшему.

Единственное, о чем Маша не задумывалась – кем ей придется стать в его системе ценностей. Музой? Другом? Женой?

Просто стоял дивный, солнечный майский день, полный света, тепла и весенней свежести, легкие ароматы цветов кружили голову. В старых дворах Замоскворечья распускалась сирень. Двое, он и она, просто сидели-сидели на высоком пригорке напротив Лефортовского парка, долго о чем-то разговаривали, а потом вдруг вскочили и помчались в ЗАГС, пока не закрыли, регистрировать брак, наплевав на дурацкие приметы, вроде этой: «В мае жениться – всю жизнь маяться». Запущен первый спутник Земли! Человек рванул в космос, а они на своих «крылышках» рванули всего лишь в ЗАГС. Так неужели их может остановить какая-то глупая примета? Выдумки все это и предрассудки! Они любят друг друга, и все у них будет хорошо!

Говорят, если Бог хочет наказать человека, он отнимает у него разум. Значит, любовь и есть тот самый коварный Бог? Или время от времени перепоручает Он свои обязанности взбалмошному, беспечному Купидону? Так вдруг возник влюбленный Андрей, приземлился рядом с Машей, вроде как, ниоткуда, и все вокруг, кроме их двоих, перестало существовать.

Глава 5

Неравный брак

Анна Савельевна недавно пришла с работы и начала готовить ужин, когда наружная дверь их коммунальной квартиры привычно хлопнула и знакомые шаги отозвались легким эхом в длинном коридоре. На пороге комнаты появилась Маша со своим «сереньким» и сказала:

– Мама, мы с Андреем расписались.

Сейчас-то Маша вполне может представить себе тот шок, в который повергло маму ее сообщение.

«Взрывная волна» Машиного известия, докатившись до слуха, но еще не до сознания Анны Савельевны, сбила ее с ног. От неожиданности она осела на стул. Нож, которым она резала хлеб, выпал из рук прямо на тарелку. Фарфоровая тарелка издала обиженный звук и раскололась на две равные половинки. От этого звука Анна Савельевна будто очнулась, попыталась понять, что сказала Маша. Когда смысл сказанного дошел до сознания, она быстро вскочила на ноги и с растерянной улыбкой пролепетала.

– Ну, что ж. Поздравляю вас, дети.

Такого стремительного развития событий в жизни дочери она, как и сами «дети», представить не могла. Чтобы ее робкая и ласковая девочка, домашний котенок, вдруг, сломя голову, выскочила замуж? Что случилось? Почему такая поспешность? Уж не беременна ли? Она с трудом сдержала себя, чтобы не начать с вопросов, готовых лавиной сорваться с языка,

– Будем знакомы, – продолжила она все еще неуверенным голосом. Растерянность не проходила. – Пожалуйста, проходите, не стесняйтесь. Я сейчас чай заварю, посидим, поговорим...

«Молодожены» все еще стояли у порога, не решаясь сдвинуться с места. Поняв, наконец, что их не выгоняют из дома, а приглашают к столу, они быстро переглянулись, сделали пару шагов вперед и осторожно взялись за спинки стульев.

Когда все трое сели за стол, Анна Савельевна хотела было что-то еще спросить, но поняла, что не знает, с чего начать, что сперва ей нужно сделать глубокий вдох, прийти в себя и осознать, что же сказала Маша. В этот момент жизнь Маши и всей их семьи менялась очень круто и менялась к неизвестному. Она вдруг засуетилась и побежала на кухню ставить чайник. В ее родном Замоскворечье традиционный крепкий чай, а не водка, был непременным элементом любой застольной беседы, легкого разговора или обсуждения важных вопросов.

Что было сразу потом, сама Маша могла вспомнить с трудом.

Вернувшись в комнату, Анна Савельевна все с той же растерянной улыбкой посмотрела на «детей».

– Вы, наверное, голодные? Вы сегодня хоть что-то ели? – Анна Савельевна пыталась овладеть ситуацией. – Нет? Ну и ладно. Сейчас перекусим, а когда Машин папа придет, все основательно и обсудим. А пока, еще раз поздравляю! Будьте счастливы!

– Спасибо большое за приглашение, – отозвался Андрей. – Но вы напрасно так хлопчете. Мы с Машей по дороге съели пирожки, так что лично я не голоден.

– Пирожки – это не еда, – отозвалась Анна Савельевна. – Голоден, не голоден, а за чашечкой чаю и поговорить легче.

Машин друг (ой, уже муж!) спросил, где можно помыть руки, и когда он вышел из комнаты, Анна Савельевна внимательно посмотрела на Машу.

– Почему ты ничего не сказала мне заранее? К чему была такая спешка, ты что?.. – но договорить она не успела.

Вошел Андрей. Он был смущен еще больше Маши. Но, несмотря на их смущенный и поворобьиному нахохленный от испуга вид, они выглядели счастливыми.

Анна Савельевна поставила на стол только что снятые с плиты, соблазнительно пахнущие мясные котлеты (хороший фарш она всегда покупала в Диетическом на Арбате, по дороге домой), хлеб, масло, остатки какого-то казенного «конфитюра», похожего больше на желе – бабушкиного варенья к концу года никогда не оставалось. А еще появились на столе любимые Машей «калорийные» булочки с изюмом, сыр и соевые батончики. Это было настоящее лукуллово пиршество. Отказаться не было никаких сил. Потом Анна Савельевна разлила по чашкам крепкий чай и настойчиво попросила не стесняться.

Какое-то время все трое наслаждались свежими котлетами с золотистыми ломтиками хрустящей картошки, внюхиваясь в дразнящий запах жареного мяса, пили чай с булочками и перекидывались ничего не значащими замечаниями.

– Какие вкусные у вас котлеты! В нашей столовой никогда ничего подобного не бывает! – «шаркнул ножкой» в сторону тещиной стряпни Андрей.

– В данном случае, это заслуга не моя. Моя часть – не пересушить, не пережарить. Короче, не испортить. Но за комплимент котлетам от них и спасибо!

Напряжение после этих слов чуть спало.

– Мам, ты как угадала с булочками? И с батончиками... Мы с Андреем одинаково их любим.

«Конечно, когда шоколад не по карману, соевые очень даже хороши», – подумала Анна Савельевна.

Когда и котлеты, и булочки были съедены, Анна Савельевна с Машей убрали со стола посуду и остатки трапезы. Потом они обе сели за стол, Анна Савельевна вздохнула и уже совершенно спокойно, даже мягко заговорила.

– Ну, я вижу, наши любимые котлеты вам понравились, булочки – тоже. Маша, судя по всему – вам тоже нравится, дело за малым – поближе познакомиться нам с вами. И тоже, желательно, понравиться друг другу... Ну, конечно, я шучу. Просто расскажите немного о себе, о своей семье. Ведь я о вас совсем ничего не знаю... Кроме того, что теперь вы – муж моей дочери. Ну, и мой зять. – Закончив фразу, она улыбнулась, глядя на Андрея.

Она даже не представляла, насколько болезненными окажутся для Андрея ее вопросы. Ну, про себя он готов ей рассказать все, что угодно. Но про семью... он был абсолютно не готов. И не потому, что он хотел что-то скрыть. Может быть, он сам бы предпочел кое-что забыть или считать, что этого никогда не было, нет и больше не будет... Но сейчас, в самый счастливый его день, говорить об этом, рассказать вслух пока еще совершенно чужому, незнакомому человеку... Перед Андреем будто развернулась картина минного поля, по которому ему предстоит пройти и не взорваться. Это было выше его сил.

В комнате повисла какая-то непривычная, настороженная тишина. От неизбежности разговора именно сейчас и сознания своего бессилия он готов был заплакать.

Видя его смущение, Анна Савельевна пошла обходным путем.

– Ну, ладно, молодожены, а где вы жить собираетесь? С нами, с вашими родителями, или отдельно... Кстати, а ваши родители в курсе ваших дел?

Андрей смутился. Какой-то холод совершенно сковал язык, но он взял себя в руки и, словно размораживая во рту каждое слово, медленно заговорил.

– Живу я в институтском общежитии, с тремя ребятами с нашего курса. А мои родители живут далеко, они тоже не в курсе. Я им еще ничего не говорил. Так что, я думаю, Маша пока будет жить дома, а я там, – серьезно ответил Андрей. – Встанем на очередь на жилье в общежитии для семейных.

– Если вы собираетесь и дальше жить поврозь, то зачем... – Анна Савельевна не договорила.

Неужели они настолько дети? Какого же черта им надо было расписываться? Ничего не понимаю. Согласиться с такой нелепостью и сломать детям жизнь? Даже если им дадут комнату немедленно, отпустить Машу в общежитие – почти наверняка разрушить брак, который еще и не состоялся. Маша такой ребенок, да еще избалованный, что быт ее задушит. Выскочила замуж сломя голову, будто пожар. Ни совета не спросила, ни мнения, хотя бы моего. Что уж там говорить о родительском благословении...

Анна Савельевна сама была в полной растерянности. Как быть? «Отказать от дома»? А она сама – спрашивала кого-то? Вот прежде... А что прежде? Ну, женили детей по сватовству. Лучшей рекомендацией для будущей невесты была фраза «девочка из хорошей семьи». Сколько раз ей друзья предлагали – давайте познакомим детей! Были очень хорошие для нее «партии». Но Маша – ни в какую. Не девушка на выданье, а настоящий «дичок». Наверное, это и ее материнская вина.

Раньше приданое невесте заранее готовили. Тоже разумно. Вот вам на обзаведение, вот вам посуда, чтобы сладко елось, и перина, чтобы сладко спалось. Начинать самостоятельную жизнь, если есть хоть минимальная база, куда как проще. Но кто давал гарантию, что с такой базой обязательно будет счастье? Хоть так, хоть эдак – все равно лотерея. Совместимость, вот что главное! Тогда и договариваться проще.

Анна Савельевна подошла к книжной полке, заметила томик Шолом-Алейхема и произвольно погладила корешок. Традиции, традиции, традиции. А разве дочери Тевье-молочника спрашивали разрешения у отца? Больше века назад, а все одно и то же. Если те девочки сделали свой выбор, то почему ее дочери нельзя?

Чушь какая-то. Машка – единственная дочь! Разве может мать стать против счастья дочери? Это в старину могли лишиться наследства. А у них... Было бы, чего лишать. Смешно. У них с мужем даже обручальных колец никогда не было. И ничего, счастливо живут. Отпустить Машу в общежитие? Не годится. Пусть лучше с ними. Зачем им одним эти две прекрасные светлые комнаты? Конечно, квартира коммунальная, но по сравнению с большинством коммуналок даже в их доме – почти дворец! А потом мужу на работе пообещали «выбить» по какому-то особому постановлению ордер на отдельную квартиру. Она и не знала, что существуют «особые постановления». Когда это будет? Один Бог знает. Вернее, какой-то спецотдел Моссовета. Очередной закрытый «распределитель». Но дети-то важнее... Надо ждать. А пока не нужно им жить в общежитии с одной общей кухней на весь этаж, где еще двадцать комнат.

– И все-таки. Почему бы вам не пожить с нами? У Маши есть своя комната.

Андрей растерялся и покраснел. Нет, он явно не готов переехать к Машиным родителям, стать «примаком». Хотя весь курс называл их Ромео и Джульетта, кто-то обязательно скажет, что он женился ради прописки в Москве. Недаром же ходит такая гадкая фраза – «вженился» в Москву. Нет, он *так* не хочет и тверд в своем намерении. К сожалению, они с Машей никогда не обсуждали этот вопрос. Но с ней он готов жить, где угодно и ехать хоть сейчас – на север, на юг, на Дальний Восток, лишь бы вместе. Где угодно, на облаке или в землянке, но только вместе. Он не собирается жить ни на чьем иждивении.

Он так и сказал. У него есть цель – получить образование, хорошую специальность. Стать ученым, инженером, добиться успеха, чтобы полностью обеспечивать свою семью. А пока они будут жить врозь – он в общежитии, Маша – у себя дома.

Анна Савельевна пришла в полное замешательство. Что за детский сад? Тогда зачем им понадобился ЗАГС? Цирк какой-то. Или решили «застолбить» отношения? Твердость Андрея ей нравилась, но судьба дочери не должна зависеть от его упрямства. Если уж согласен ехать хоть на край света, то почему не к ним? Все-таки вместе, как они хотели, и не так уж далеко от института.

То, что Андрей не москвич, она уже знала – уезжая домой, он писал Маше длинные письма. Волновал ли ее тогда этот вопрос? До этого, пожалуй, не очень. У Маши в то время

были и другие «вздохатели». Но сейчас она оказалась в тупике. А что, если он, действительно, откажется переехать к ним?

Объективно говоря, не многим выпускникам так уж хотелось уезжать из Москвы в какую-нибудь «дыру», чтобы начать медленно засыхать в заводской лаборатории с рутинными анализами и нулевой перспективой роста. Направление на работу становилось приказом, «вектором судьбы», не зависящим ни от талантов, ни от успехов и энергии молодого специалиста, но обязательно – от мнения деканата, комитета комсомола и «связей». Отказ от «направления» приравнивался чуть ли ни к измене Родине и грозил лишением диплома, строевой службой в армии и «волчьим билетом». После этого найти приличную работу было невозможно.

Но такая мысль не могла прийти Маше в голову, потому что она вообще об этом не задумывалась. А если бы ее об этом и спросили, она бы с гневом отвергла такое подозрение. Она чувствовала, знала, но не стала бы доказывать, что о женитьбе ради московской прописки речи быть не могло, о расчете – и подавно. Такой вопрос она сочла бы оскорблением. Сомневаться в абсолютном бескорыстии и честности Андрея?

Что касается Андрея, то все его существо было поглощено только Машей. Мысли его сосредоточены на ней, душа пела в ее присутствии, ноги несли к ее дому. Будь тот дом на краю города или на краю бездны. А где они будут жить, какая разница? Они все равно будут принадлежать друг другу.

Наверное, это все-таки было какое-то «весеннее помешательство».

Анна Савельевна тоже понимала состояние «детей», она не собиралась их отговаривать (все равно было уже поздно), но ее не оставляло какое-то сомнение, а может быть, невысказанный упрек и обида на дочь – если между ними действительно *ничего* не было, к чему же была такая спешка? Такая робкая, послушная и добрая девочка и вдруг...

Поскольку первый вопрос, интересовавший Анну Савельевну, хоть и выговоренный вслух, все же остался «за скобками» нерешенным, ей показалось особенно важным попытаться вытащить из Андрея хоть толику информации о его семье.

Андрей нервничал, ожидая подобного вопроса. Он понимал, что правдивый рассказ о его семье может повергнуть в ужас кого угодно. Уж слишком неприглядной выглядела бы вся история, чтобы позволить девушке из хорошей семьи переступить порог его дома. Тем более совсем неподходящей, чтобы рассказывать о ней именно сейчас. Всю свою сознательную жизнь он мечтал выбраться из этого плена, из серости и мрака их существования на краю финансовой и моральной «Ойкумены». Как же он мог решиться открыть этот кошмар именно сейчас? А что, если правда испугает Машиных родителей и поставит крест на их отношениях? Потерять Машу?! Это было самое страшное. И он молчал, боясь этого разговора. Каждый новый вопрос был для него как ступенька на эшафот, на котором вот-вот убьют его надежду, любовь, отнимут Машу. И закончится вся его жизнь.

Маша чувствовала состояние Андрея и невольно старалась оградить его от «ненужных» маминых вопросов, чтобы не причинять лишних страданий. Ей было хорошо, что он рядом. Конечно, Маше он кое-что рассказывал, но все не так страшно. Мало ли бедных людей на свете. Ей вовсе не хотелось обижать его подозрением, что ее могут остановить какие-то «не такие» его родители. А настырно выяснять, где же его отец, жив ли или нет, чем больна мать, кто зарабатывает на жизнь, казалось ей даже неприличным. Будто от этого между ними что-то может измениться. Она тоже не обязана рассказывать кому-то про папину работу, про мамини частные уроки, про дедушку с бабушкой. Ну и что, что у нее такие замечательные родители, а у него не очень. Ведь они с Андреем – совершенно независимые ото всех, «отдельные» люди!

Почувствовав общее смущение, Анна Савельевна решила дальнейшие расспросы отложить «на потом». Ну, что ж, если у Маши получится сделать жизнь не хуже, чем у них с мужем, это уже хорошо. Ведь они с Лёней, тоже были два нищих студента, но сумели же как-то сделать свою жизнь! Кстати, первое *новое* и самое любимое пальто у нее появилось году в тридцать

пятом. В старом ходить было совсем уж неприлично – до этого Лёне приходилось поддерживать ее под локоток, чтобы своей ладонью прикрывать заплатку на рукаве. И денег на цветы у него никогда не было. Самое большее – на один флокс! А как она была счастлива!

Если бы не Интурист с его талонами в Торгсин, так и носила бы она старое почти до самой войны. Жаль, что новое поносить мало пришлось – в эвакуации выменяла его на банку топленого масла и стакан меда. Машка так болела... А теперь война кончилась, они все живы. У них крепкая, неплохо обеспеченная семья. У Лёни любимая и неплохо оплачиваемая работа, во дворе старенький кургузый «Москвич». У нее – тоже есть работа. А теперь Маша учится в хорошем институте, и стипендия есть. Хотя бы на завтраки и дорогу. Посторонние люди считают, что они живут почти богато. Что еще надо для жизни? Только здоровье. Это ее кредо. А если еще дадут когда-нибудь отдельную квартиру... Вот пусть и у детей жизнь будет не хуже. Пусть сами всего добиваются.

Единственное, что всерьез омрачало любые надежды Анны Савельевны, это сознание, что к резким поворотам в жизни ее дочь совершенно не готова. Не сможет она жить в общезитии ни одна, ни вдвоем с любимым Андреем. Да и любит ли она его? А что, если просто «сама себе придумала», и надеется, что ее Ромео останется таким на всю жизнь? Сейчас Маша не то, что жизнь, но элементарный быт организовать не сумеет. Даже с двумя стипендиями. А одними песнями сыт не будешь. Сбежит через месяц, если не раньше. Сломает семью, а что потом? Мама виновата? Не подготовила?

Нет. Надо по-другому. Не хотят вместе, они с мужем снимут им комнату. Все-таки надо хотя бы предложить, уговорить, пусть поживут отдельно, но только не в общезитии. Пусть перед свадьбой хоть пару недель побудут одни, не на глазах. Кстати, о свадьбе они как-то и не поговорили. Могут и заартачиться. Ну, конечно, расходы. Лучше бы, конечно, на эти деньги отправить молодых хоть на пару недель куда-нибудь, в свадебное путешествие, как в старину. Или в дом отдыха, но путевки ведь не достанешь. Ладно. Это во вторую очередь. А пока задача номер один – найти им приличную комнату. А свадьбу все равно придется делать. Недельки через две, раньше не успеть. Пока надо платье Маше сшить, готового не купишь. Туфельки белые достать.

Как она и думала, Маша почему-то свадьбы не хочет, а Андрей и подавно – знает цену копейке. Но Лёнины родственники, особенно свекровь, ее «заклюют». Единственная дочь, и свадьбу не справить! Значит, придется.

Странно или нет, но Анна Савельевна вдруг осознала свою вину в том, что Маша оказалась настолько не подготовлена к взрослой жизни, а уж к такому резкому повороту и подавно. А теперь врежется ее дочь на полном ходу в жесткую и тяжелую «взрослую» жизнь, как поезд без тормозов. Тут и более опытным, умудренным жизнью людям не всегда удается уцелеть или выбраться без шрамов и ран. «Любовная лодка разбилась о быт». Нет, только не это.

Она должна, обязана помочь дочери привыкнуть к новым реалиям бытия. Объяснить, как не стать домработницей, но и не витать в облаках, поверив, что ты только его Муза. Надо научить, как стать хозяйкой уютного дома, Гестией, богиней-хранительницей домашнего очага. Всему ее придется учить с нуля – и как готовить мужу обед, и как следить за его носками и рубашками, как не забыть с вечера купить по дороге продукты, и как, усталой, суметь улыбаться любимому человеку перед сном и каждое утро перед уходом на работу... Ну, а будут трудности, двери их дома всегда для них открыты – помогут, посоветуют, успокоят.

Оставив себе пару недель на подготовку к свадьбе, через друзей Анна Савельевна быстро нашла и сняла для молодоженов комнату с мебелью, в центре города и недалеко от метро Маяковская. Помогла перевезти их нехитрый гардероб, выделила какие-то кастрюльки-сковородки и погрузилась в приготовления. Теперь все ее свободные от преподавания и подготовки к новому курсу часы были заняты бегом по городу в поисках продуктов для праздничного

стола, ткани на свадебное платье и много чего еще... Молодых она решила не беспокоить, спокойно ожидая, пока Маша позвонит им сама.

Маша, действительно, звонила каждый день. Голосок у нее был какой-то невеселый, даже растерянный, и никакой радости в нем Анна Савельевна не уловила. Вначале она списывала это на усталость, плохой сон, просто на испуг от постоянного присутствия рядом мужчины и отсутствия рядом мамы (это было понятно). Но уже через неделю она почувствовала, что Маша по горло сыта своей самостоятельной жизнью в чужой квартире.

Во-первых, соседи по квартире сразу продемонстрировали ей явное недовольство, что вместо одинокой старушки, появилась, пусть временно, молодая пара, которая вдруг еще надумает завести ребенка. Что им ответить, как с ними вести себя, Маша не знала. Чувствуя нерасположение соседей, она пыталась понять причину, не понимая – расстраивалась, но научиться игнорировать их недоброжелательные взгляды и ворчание у нее не получалось. Так что большей частью, когда не надо было бежать в институт, она сидела в чужой неуютной комнате и пыталась читать. Потом оказывалось, что не хватает какой-то книжки, нет под рукой какого-то словаря.

Во-вторых, как в любой коммуналке, молодым сразу в жестких тонах был предложен один день, чтобы помыться в ванной, одна конфорка для приготовления еды, определенный день и число недель для уборки «мест общественного пользования». С этим Маша смирилась бы. В их квартире были такие же порядки. Но здесь все было чужое. Ступить в пожелтевшую от времени ванну с разбитым, полуобвалившимся кафелем на стенах, чтобы принять душ, Маша брезговала. Кстати, воды горячей не было, колонки она боялась, так что мыться приходилось холодной водой и «частями».

В-третьих, ни к новому району, ни к его магазинам быстро приспособиться Маша не могла. Большого гастронома, чтобы сэкономить время, заняв сразу две-три очереди в разные отделы, поблизости не было. Так что хождение по магазинам отнимало часы. Нормального холодильника тоже не было. Вернее, был полутруп старого холодильника «Газоаппарат», но держать его включенным все время было просто опасно. Чтобы охладить свое нутро, он начинал грохотать как трактор, издавая запах горелой изоляции. Это было похоже на агонию умирающего железного существа. Если бы это было только днем! А каково просыпаться десять раз за ночь от звука тяжелого удара по металлу – ну заработай же, развалина чертова, или уж сдохни! Одно это могло довести до сумасшествия. Но жаловаться маме на все эти «мелочи быта» Маше не хотелось – кое-кому из ее подружек и такие условия могли показаться райскими.

Но самое главное, никакой страсти в ней не проснулось, любовь не состоялась, а спать вдвоем на чужой кровати оказалось и неудобно, и неуютно. И самое неприятное, еще не вполне осознанное, что никакого желания быть даже просто женой она тоже не испытывала. Про любовь они, конечно, знали. Но все больше про романтическую – Беатриче, Ассоль, графиня Шеина. Ну, была еще Песнь песней... Но что-то, возможно самое важное для создания семьи, она так и не поняла. Да и все они из Толстого запомнили только, что все счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастные – каждая по-своему, что «запретная любовь» может довести до самоубийства. Что бывает любовь-самоотречение, любовь-страдание, и страсть, которая может свести с ума. Но в целом, никакой честной информации, никаких подсказок-рецептов, как стать счастливым, не было, и никаких гарантий тоже! Совсем по Козьме Пруткову – «Хочешь быть счастливым – будь им!» У более везучих перед глазами был пример их родителей, но и тут секреты семейной жизни оставались, по большей части, секретами. Маше, конечно, говорили о взаимном уважении между супругами, немного – об обязанностях, вернее, о распределении домашних дел. «Каким бы ты хотела видеть своего мужа – стоящим в переднике на кухне у плиты или занимающимся наукой? Но если ты не дашь ему возможности поработать дома... Или он будет постоянно вмешиваться в твои кухонные дела – тоже плохо. Вот и выбирай!»

Маша выбрала «науку». Но все же оставалось еще что-то очень важное, но недосказанное, тайное, что было для нее «наукой за семью замками», до чего ей придется доходить самой и дорогой ценой.

Уже через две недели Маше больше всего хотелось обратно к маме, и она запросилась домой.

А тут еще и свекровь на Анну Савельевну надавила – зачем дочь от себя гонишь? Есть две прекрасные комнаты, обстановка знакомая, все магазины рядом, зачем же тратить деньги попусту? Анна Савельевна сдалась. Ладно, решила она, попробуем вместе, а там – увидим. Пусть еще недельку потерпят, может, притрутся, а там через неделю свадьба, после нее на неделю-две съездят в гости к родителям Андрея. Благо, те живут где-то у моря, будет у ребят возможность позагорать, покупаться, приладиться друг у другу на воле. А там снова вернемся к идее самостоятельной жизни.

Поэтому от снятой комнаты Анна Савельевна решила пока не отказываться. Хотя ей и жалко было дочь, она продолжала настаивать, что молодые должны жить отдельно. Своего опыта было достаточно.

Погружать Машу «до поры» в сложности домашней дипломатии она тоже не хотела. Все думала, что рановато. Вот и попала в собственный капкан.

Планировать жизнь, по существу, никто из молодых не умел. Ни в школе, ни дома этому не учили. В семье Андрея, как во всех бедных семьях, где всегда еле-еле дотягивали до полочки, «копеечку на черный день» все же откладывали. По настоянию мужа Анна Савельевна неоднократно пыталась завести домашнюю бухгалтерию. Но к концу месяца всегда оказывалось, что записывай – не записывай, непредвиденных, но обязательных, по ее мнению, расходов было чуть больше, чем даже предполагалось.

Кроме регулярной помощи двум бабушкам, появлялись совершенно неожиданные внеплановые расходы. То надо было послать деньги в Ригу, какой-то дальней родственнице на остродефицитное лекарство. «Мой папа (Машин дедушка) очень любил свою троюродную сестру». То тете Мане: «Она же подбрасывала тебе (то есть Машиному папе) по пятерке, когда ты был голодным студентом?». То ее подруге, Верочке – зимнего пальто у нее не было, а тут вдруг подвернулась кроличья шубка, не новая, но симпатичная и вовсе недорого. А денег все равно не хватает. «Она сможет вернуть через месяц-полтора. Но мы же с голоду не умираем!». В конце концов, вести бухгалтерскую тетрадь Анне Савельевне надоело. «Как видишь, ни одной копейки из зарплаты на себя я не потратила», – сказала она, предложив мужу самому делать эту работу. На этом разговоры о необходимости экономить, откладывать хоть что-то на сберкнижку, на «черный день», закончились. «Будет черный день – пойду убирать подъезд. Во всяком случае, на лестнице чисто будет».

Времени на бухгалтерию у Лёни тоже никогда не было. Корочки сберкнижки так и остались только «корочками».

Иногда Анна Савельевна думала о преимуществах воспитания детей в деревне. Вся жизнь там на виду, все просто и понятно, по Бернсу – «жена, корова и доход». Хотя там сейчас не «доход», а нищета пьяная, беспробудная. Но зато молодые всему учились с детства. Что-то с родительских рук, что-то «вприглядку», что было иногда излишне грубо, но зато – естественно и проще. Как в семье жениха принято, так и жить будут. А вот идти в дом тестя с тещей, в народе всегда было позором. На это были обречены совсем бедные или «пришлые», из чужой деревни парни, которым некуда было деться. Вероятно, именно поэтому Андрей, не будучи ни в какой мере деревенским парнем, выглядеть таким «примаком» в чужих глазах категорически не хотел.

Маясь в чужой квартире и возвращаясь мыслями к своей семье, Андрей пытался набраться мужества и рассказать Маше всю правду, но, видя ее настроение, не решался даже рот открыть. Не собираясь ничего скрывать, он сам терзался этой недоговоренностью, но все

же, как мог, старался оттянуть разговор. Он не хотел, вернее, безумно боялся отпугнуть Машу. Уж если ей так плохо здесь, в этой, такой приличной комнате со столом под скатертью и цветами на окне? Теперь он уже мучился сомнениями, стоит ли ему «тащить» Машу в свою семью, в их дом. Да, он не хотел пугать, хотя был искренне уверен, что никто не может помешать их счастью. А вдруг? Ему хотелось встать перед Машей на колени: «Верь мне Маша, я молю тебя!» Но отказаться от своей семьи он не мог, не имел права. Он отвечал за них.

И зачем он не рассказал Маше всю правду с самого начала? А если бы Маша все-таки испугалась? Или хуже – ее отговорили бы родители? Начали бы объяснять, что «яблочко от яблони...» А он – другой, другой, совсем другой, «выродок» из своей семьи! Пусть только Маша верит в него! Он же чужой в собственной семье! Маша любит его, она должна понять! Ему без нее не жить – он однолюб! Он и линии на руках своих показывал – у него на обеих ладонях только буква *Л*. Он сравнивал – у всех или *Ми*ли *Ж*. Но такой, как у него, ни у кого не видел.

Наверное, это был бы не самый сильный аргумент. Маша только посмеется... Но как еще доказать ей, что это правда?

Мысли его топтались на месте. Больше ни о чем он думать не мог. Он начал понимать, как они поторопились. Хотя бы еще годочек. Если бы вернуться на две недели назад! Он готов ждать Машу всю жизнь, но будет ли ждать она?

Голова его шла кругом. Иногда хотелось изо-всех сил стукнуться головой об стенку, чтобы как-то остановить этот поток мучительных терзаний. Надо подождать. Осталось совсем немного, он скоро закончит институт. Он будет работать хоть на трех работах. *Тогда* он сможет помогать и своим несчастным.

Однако, представить себе дату, «когда же», наконец, придет это желанное «*тогда*», он не мог.

Глава 6

Белые парусиновые туфельки

Анна Савельевна посмотрела на календарь – до свадьбы оставалась всего неделя, а платье для Маши было еще не готово. Хотела в ателье платье заказать, но за такой срок никто шить не берется. А если возьмется, а потом испортят, как с Машиним зимним пальто? Новый материал не сразу достанешь, и выхода не будет... Значит, надо шить самой. Решено. Она достанет батистовую прошву. Свекровь потихоньку сострочит, у нее машинка «оверлок» есть. Это, конечно, секрет. Держать дома такие машинки не разрешается, даже если ей сто лет в обед. Держать можно, а вот шить на ней нельзя. Ведь на ней деньги можно зарабатывать – швы обметывать, кружева сшивать! Значит, машина – «коммерческая», а всякая подработка – подпольный бизнес. Как минимум, штраф. И машинку конфискуют. А что *им*? Жалко, чтобы старухи с их нищенской пенсией лишнюю копейку себе заработали? Бред, но что поделаешь.

Итак, с платьем решено. Туфли, туфли... туфли.

Если не наткнуться случайно... За такой короткий срок купить что-то приличное невозможно. Да еще размер ноги – как у Золушки. Где достать? Если бегать по магазинам, ничего другого не успеть. Ведь и на работу являться надо. Хоть у неба проси. У кого из наших в обувном есть знакомства? Надо бы поспрашивать.

Что еще? Продукты она еще докупит, поговорит с заведующим, событие все-таки. А в овощном ей уже пообещали оставить ящик клубники. Сверху она положит белые тюльпаны – получится замечательное украшение стола. Но как с туфельками?

Неожиданно для себя, на какой-то окраине, Анна Савельевна умудрилась найти туфельки. Как раз такие, как она хотела. Не кожаные, те тяжелее, а легчайшие белые парусиновые, как раньше говорили, «прюнелевые» лодочки. Именно такие туфельки как нельзя лучше подходили к задуманному платью. Кружевное батистовое платье и эти беленькие невесомые лодочки – все точно совпадало с ее представлением о Машинем свадебном наряде! Никаких бус, никаких украшений. Именно так должна выглядеть ее дочь в день свадьбы – легкое, воздушное существо, эльф, приземлившийся на цветке прекрасный мотылек.

Как только платье было готово, Анна Савельевна составила свой список гостей и предложила Маше составить их собственный. Маша смутилась.

– Мам, я же говорила, что Андрей не хочет никакой свадьбы! – Но Анна Савельевна настаивала.

– А ты? Разве тебе не хотелось бы пригласить кого-нибудь из твоих друзей?

По лицу Маши пробежала легкая тень раздражения.

– Ну, мам! У нас с Андреем вообще разные друзья. И мешать их сейчас не время, тем более с родными. Или все они, или родные. Вам с папой важнее родные. Но вы ведь не спрашивали у меня, кого из ваших друзей пригласить? Приглашайте, кого хотите, а я позову только одну подружку. Нам вообще эта свадьба ни к чему.

Анна Савельевна расстроилась. Нет, она вовсе не считала свою дочь «неблагодарным человеком», просто было в ее ответе что-то настораживающее. Только ли девичья скромность, нежелаящая выставлять напоказ свои чувства, или что-то другое, подспудное? Тревога, что ли.

В день свадьбы в большой полупустой квартире сестры Анны Савельевны были расставлены столы, накрытые белоснежными льняными скатертями, подаренными свекровью. Их, наверное, уже сто лет, никто не доставал из своих сундуков. Свекровь напекла множество своих необыкновенных фирменных пирогов и пирожков, для которых за два дня начинала готовить «венское тесто» по особому рецепту.

Принаряженные гости прибывали засветло, нагруженные не столько подарками, сколько любопытными взглядами. Они почему-то все внимательно смотрели на Машино лицо, будто за месяц, прошедший с последней семейной встречи у бабушкиного брата в Покровском-Стрешневе, она могла сильно измениться. Маше это было неприятно и даже противно. Ей казалось, что по-стариковски любопытные тетуски и бабушки искали следы – уж не беременна ли невеста. Иначе – почему все неожиданно? Машу это смущало, даже оскорбляло, и ей очень хотелось, чтобы вся эта дурацкая свадьба поскорее закончилась.

Как и принято на свадьбе, выпив положенные тосты за жениха и невесту, за родителей, за «погоду», уже притомившиеся от еды и питья гости стали обмениваться своими личными новостями и впечатлениями. И тут Андрей, не столько, чтобы привлечь к себе внимание, сколько, вероятно, от обиды, что посвященное им торжество начинает превращаться в обыкновенный праздничный обед, попросил разрешения произнести тост. Все одновременно радостно закричали в знак одобрения. Тогда он присел, снял с Машиной ноги туфельку, налил в нее шампанского и, произнеся всего четыре слова – «За мою прекрасную жену!», выпил стоя. Маша не ожидала такого «экспромта» и очень смутилась. Все стали кричать: «Горько, горько», и Андрей неловко поцеловал ее. А вслед за этим тостом вдруг раздался глубокий, бархатный бас папиного лучшего друга, немногословного дипломата высокого ранга. Отец почему-то называл его Жозя или просто Джо.

– Браво! С удовольствием присоединяюсь! Превосходный гусарский тост! Честно говоря, давно не слышал ничего подобного. Но хорошо бы, чтобы в конце застолья не последовало стрельбы из пистолетов!

Ничего не поняв из его слов, Маша окончательно расстроилась. Зачем это дурацкое добавление к тосту? Но ни в тот день, ни потом она так и не решилась спросить этого хмурого, много знающего и всегда молчаливого аристократа, что же он хотел сказать в тот вечер. Маше этот человек всегда казался каким-то загадочным. Высокий, интересный мужчина, «с положением», достигший, казалось бы, почти недостижимой высоты в дипломатической карьере, всегда выглядел очень усталым, даже обремененным какой-то страшной тайной. Это очень старило его. Доброе, интеллигентное лицо его было всегда иронично-грустно, а в больших бархатных глазах пряталась какая-то неизбывная тоска и сознание какой-то обреченности. Такое лицо, как потом узнала Маша, бывает у больных раком людей, смирившихся с неизбежным. Но он был совершенно здоров.

Казалось, что Джо сам бы не прочь избавиться от какой-то тяжести на душе, но ни мама, ни отец, всегда старавшийся его растормошить, развлечь, сделать этого не могли. Когда Маша была маленькая, ей всегда хотелось залезть к нему на колени, прижаться к нему и пальчиком разгладить глубокие морщины. При всей его замкнутости, от него шло какое-то тепло и доброта. Джо ей улыбался, но Маша не помнила его ни хохочущим, ни просто беспечно смеющимся. Было впечатление, что его постоянно беспокоит какая-то мысль. Точит как мигрень или зубная боль.

Когда отец, постоянно погруженный в вопросы политики, которая была его любимой и болезненной темой, задавал другу серьезный вопрос, тот обычно как-то кисло улыбался и часто отвечал: «Не спрашивай, Лёничка. Тебе не стоит этого знать». Маша очень обижалась на него за папу. «Папа для него «маленький», что ли? Ведь они же близкие друзья со школы и хорошо знают друг друга. Неужели он не доверяет даже такому близкому человеку? Или Джо знает что-то *такое*, секретное и опасное, что опасается любой «утечки» информации, которая, подобно радиации, может угрожать жизни окружающих.

Разгадку этой тайны Маша найдет лишь полсотни лет спустя в интернете, когда многое из тех знаний потеряло остроту, и уже никого не могло убить ни в буквальном, ни в переносном смысле. Но поделиться своими открытиями с отцом уже тоже не могла. Он умер двадцатью

годами раньше. Хотя кто знает, может быть, и отец был в курсе, но молчал. В любом случае «многие знания – лишние скорби».

После свадьбы на душе у Маши стало еще тоскливее. Прав был Андрей. Ни к чему это было. Утешала мысль, что через пару дней они отправятся в «свадебное путешествие», знакомиться с его родителями. Конечно, Маша тоже нервничала. Разумней было бы познакомиться с семьей Андрея заранее, но раз уж так случилось... Почему-то она была глубоко уверена, что готова и сможет принять любую семью, бедную, несчастную – тем более, подружиться с его сестрой, почти ровесницей.

Конечно, она боялась этой поездки, вернее, чувствовала непонятную внутреннюю скованность. Может быть, это был страх встречи с неизвестным, но подумать, что она может не понравиться, не могла. Хорошая девочка! До этого дня все вокруг любили ее, и в семье, и в школе, и в институте, и родители ее подружек. Врагов у нее не было и нет. Неудачливые поклонники быстро найдут ей замену. А друзья не бросят. Не надо волноваться. Она должна «им» понравиться.

Через пару дней с двумя чемоданами, один из которых был отдан небольшим подарком для семьи Андрея, они сели в поезд, который вовсе не «мчал», а скорее тащил их навстречу новой жизни, притормаживая по дороге у «каждого дорожного столба».

Когда поезд, наконец, остановился, к двери их вагона подошел немолодой мужчина среднего роста, в черной морской форме, только более новой, чем у Андрея.

– Ну, здравствуй, сын. И вам здравствуйте. Познакомимся. Добро пожаловать в гости.

Маша опешила и с удивлением посмотрела на Андрея. Сын? Он же сказал, что у него «нет отца»! Или она ослышалась? Может быть, это его неродной отец? Но спрашивать не решилась.

От вокзала они ехали на автобусе, пока со стороны гор за высоченными платанами не показались красивые желтые корпуса.

– Приехали, – сказал отец и первым спустился по ступенькам.

Маше показалось, что мужчина собирается идти в сторону домов, но Андрей осторожно взял ее за руку: «Не туда. Сюда», и потянул на другую сторону улицы, к какому-то обшарпанному двухэтажному барачу неподалеку от остановки. Маша спокойно пошла за мужчинами, ожидая, наконец, увидеть дом, где ей предстоит прожить лучшую неделю «медового месяца».

Если раньше ей казалось, что она готова следовать за Андреем куда угодно, то все происшедшее с момента приезда покачнуло ее уверенность. События развивались так стремительно, что Маша почувствовала себя героиней жутковатого фильма. Но даже в дурном сне она не могла представить ничего подобного. По прошествии стольких лет она все еще не понимает, как пережила, вытерпела кошмарные восемь дней. Вроде бы так давно все было, что должно бы и «быльем порастить», из головы выветриться, но до сих пор так пугающе живо.

Маша рефлекторно передернула плечами, озноб пробежал по всему телу. Ей снова стало страшно. Вероятно, у каждого человека бывают в жизни моменты, которые вырастают, въедаются в память, в душу, как металл в руки токаря, как угольная пыль в легкие шахтера, как само ожидание боли в кресле дантиста, когда-то задевшего живой нерв. Так застрявшее в теле инородное тело, вовремя не отторгнутое организмом, постоянно напоминает о себе болью или физическим неудобством.

О событиях тех дней Маша, конечно же, никогда никому не рассказывала, даже матери. Она понимала, что для нее это может оказаться смертельным ударом и что родители сделают все, чтобы немедленно увезти ее хоть на край земли, спрятать, оградить от малейшей возможности контакта с семьей Андрея.

Из полутемного подъезда деревянная лестница вела на второй этаж. Пройдя примерно половину коридора, освещенного тусклой лампочкой, все трое вошли в комнату. На небе еще сияло предзакатное солнце, но из-за деревьев, растущих вдоль дороги и гор за ними, в комнате

было совсем темно. Полуслепые от яркого южного солнца глаза еще не вполне привыкли к темноте, и Маша не сразу поняла, где она.

Спустя минуту она увидела, что стоит в почти пустой комнате, всю мебель которой составляли простой деревянный стол со стульями, солдатская железная кровать и небольшой двухстворчатый шкаф с покосившейся дверцей. Стиранная-перестиранная тысячу раз скатерть в клетку, простое, тоже солдатское, одеяло на кровати – вот и все убранство комнаты. Дошлатый пол скрипел и «ходил» под ногами. Краска на стенах потрескалась вместе со штукатуркой, местами вздулась и осыпалась. Ветхозаветный желтый абажур над столом чуть покачивался от легкого ветерка. Она слышала, что в курортных городах «дикарям» сдают каждый угол. Но они же – не «дикари».

Подошла мать Андрея, худая смугловатая женщина с темными любопытными глазами и растерянной улыбкой. Потом появилась сестра Оксана, очень похожая на Андрея, и его младший брат Павлик. Выделялся только Павлик – светловолосый, голубоглазый, белокожий и уже обгоревший на июньском солнце.

– Здравствуй, Маша. Меня зовут Лизавета Андреевна, я – мама Андрея. Милости просим в наш дом. – Первую букву в имени она опустила.

– Ну, привет, «жена», – с какой-то иронией, но вполне доброжелательно проговорила Оксана. – Дай-ка я тебя рассмотрю, – и бесцеремонно потащила ее за руку к окну. – Ничего. Симпатичная. И волосы – красотища. Годится. – И видя Машину смущение, засмеялась.

Маша замерла в недоумении. Оксана ей пока еще не подружка, родственные отношения еще слишком неопределенны, одни «должности». Фамильярность обращения, и то, как ее рассматривали «на свету», Машу смутило. А самое главное – неужели это и есть их дом? А где же спят родители?

Когда глаза совсем привыкли к полутьме, Маша увидела еще одну дверь, на узкий застекленный балкон-лоджию. Так вот почему в комнате было совсем темно. На балконе помещалась еще одна кровать и две табуретки.

– Это для вас, располагайтесь, – пригласила Машу Лизавета Андреевна.

По правде сказать, Маша не ожидала увидеть барские хоромы, но представить себе такую убогую, беспросветную нищету все-таки не могла. Она вдруг испытала неведомый до того стыд, что в Москве у них пусть не отдельная квартира, но две хорошие светлые комнаты и приличная мебель. Свое благополучие вдруг встало в ее горле невольным упреком. Но за что? Родители, тоже когда-то нищие студенты, добились всего только своим трудом, преодолев такие препятствия! И в бедности этой семьи не было никакой вины ее или ее родителей! Тут крылось что-то другое, трагическое и непоправимое.

Больше всего ее испугала вовсе не бедность, а безразличная запущенность комнаты. Словно люди, жившие здесь, вовсе здесь не жили, а пережидали время, когда с ними что-то случится – либо хорошее, либо очень плохое.

В послевоенном Машинном классе было много девочек из очень бедных семей. Подружка Верочка жила с приемными родителями в служебной полуподвальной квартирке зубной поликлиники, в которой, совмещая обязанности дворника, истопника и завхоза, работал ее крестный. Но какой чистотой сверкали две полутемные узкие комнатунки метров по восемь каждая, и какое сияние исходило от накрахмаленной скатерти и выбеленных простым мелом стен!

Не забыла Маша и комнату-пенал в бывшем «доме для прислуги» какого-то купца, в которой жила ее другая близкая подружка, Эля. Пять человек – три сестры и их родители, бывшие детдомовцы, на четырнадцати квадратных метрах! В светлой половине жили сестры, а в «темной», за простыней, служившей «перегородкой», обитали родители, «Иван да Марья». У них и кроватей было только три. Но была вокруг такая «благодать», что даже старая русская печка поперек пенала казалась специально задуманной «деталью интерьера». И ничего там не

давило на Машину совесть. Мало ли бедных или даже нищих было в конце сороковых и начале пятидесятых? И не у всех были отцы, как у нее или у Андрея.

Когда все представились, и первая неловкость улеглась, Маша с Андреем отнесли свои вещи в отведенную им лоджию и сели за стол. Мать Андрея суетливо расставила на столе тарелки с вилками и небольшие граненые стопки для водки. Перед отцом стоял стакан. Стояла стопка и рядом с тарелкой Павлика, или как его звал Андрей, Павло. Посреди стола королем расположился двухлитровый жбан с какой-то мутнобеловатой жидкостью, вероятно – самогоном. На водку или приличное вино в доме явно не было денег. Была еще бутылка красного вина с незнакомой наклейкой, приготовленная, по-видимому, специально для Маши.

Закуска тоже была самая простая – серовато-желтая квашеная капуста с кислым запахом, обязательная селедка с колечками лука, линиялого малинового цвета винегрет и еще дымящаяся отварная картошка. Кажется, была еще колбаса, но явно не из тех сортов, что доставлялась в военный санаторий напротив этого барака.

Самогон разлили по стопкам. Маше по ее просьбе самогон не наливали, но наполнили стопку красным вином.

Отец Андрея произнес короткий тост «за новобрачных» и залпом выпил содержимое своего стакана. Андрей пригубил стопку, сделал вид, что пьет, и поставил ее на место. Тогда отец с раздражением в голосе стал выговаривать ему: «Какой же ты сын и вообще, что за мужик, если не пьешь с нами?» Андрей поморщился и выпил. Маша «пить» никогда не умела, вкуса или прелести даже хорошего вина не понимала, но, чтобы не обидеть хозяев, пригубила стопку с кислым, терпким вином. Она видела, что все посмотрели на нее с осуждением и жалостью, видно посчитав ее «кривлякой», но пить не уговаривали, просто решили, что ей, столичной, их вино не по вкусу. Потом Маша чуть поковыряла винегрет, капусту же отведать не решилась. Извинившись перед родителями Андрея, она попыталась объяснить отсутствие аппетита тяжелой дорогой и усталостью, что было правдой.

Потом Елизавета Андреевна принесла с кухни побитый временем алюминиевый чайник, и они все вместе пили чай с кислым алычовым вареньем и молчали. О чем надо говорить, никто не знал. Маша еле-еле держалась на стуле и с нетерпением ждала, когда же закончится праздничное застолье.

Наконец, трапеза закончилась, и все как-то нерешительно стали вставать из-за стола, будто ожидая нового раунда праздничного обеда. Затем были убраны все угощенья, посуда и скатерть, и на столе осталась только давно потерявшая цвет, потрескавшаяся клеенка, протертая на углах до дыр.

Маша, поблагодарила хозяев за теплый прием и, извинившись, сказала, что она очень устала, и что ей хотелось бы немного отдохнуть, прилечь. Если они, конечно, не возражают.

Оксана тут же отпросилась переночевать у подруги и убежала. Захмелевшего Павло Андрей уложил на кровать в комнате, а Елизавета Андреевна ушла ночевать в их «летнюю квартиру» – небольшой сарай во дворе, где они жили, когда удавалось сдать их комнату «диким» курортникам. А отец Андрея предложил «пропустить еще по стопочке за восстановление семьи» и поговорить о жизни. Отказаться Андрей не мог и с явным отвращением, маленькими глотками уничтожал содержимое стопки.

Маша действительно очень устала, перенервничала, была почти убита увиденным и жаждала хоть немного отдохнуть и подумать. Она вышла на балкон, села на единственный стул и стала смотреть на чужую улицу, незнакомый двор, деревья с пятнистыми стволами и огромными, как раскрытая мужская пятерня, листьями. Ночь на юге наступает неожиданно. Небо стало быстро темнеть, зажглись уличные фонари.

Минут через десять появился и Андрей. Измотанные долгой дорогой в набитом плацкартном вагоне, одуревшие от «горячего» родительского приема, они были уже неспособны о чем-то говорить и мечтали только об одном – рухнуть, где угодно, и спать, спать, спать.

Старая, то ли односпальная, то ли «полуторная» железная кровать, занимавшая почти всю ширину самодельной «лоджии», пережила, видно, не одну революцию. По ней давно уже скучала свалка металлолома. Ее растянутые усталые пружины прогибались до самого пола под одной только тяжестью ватного бугристого матраца. Стоило одному лечь или сесть на нее, как она превращалась в железный гамак. Для второго места уже не было. Можно было попробовать удержаться на краю, ухватившись рукой за раму или перебросив через нее ногу, но металлическое ребро врезалось в тело и не давало заснуть.

Несмотря на открытые окна, обращенные к горе, на терраске было душно и влажно. Выстроившиеся вдоль шоссе платаны, живописно линияющие «бесстыдницы» с мощной, крупнолистной кроной, не пропускали ни малейшего дуновения с гор. Желтоватый свет ближайшего уличного фонаря с трудом пробивался через зубастые щели в листве и хищными пятнами ложился на стену балкона.

Молодожены с грехом пополам устроились на кровати «валетом», так было просторнее, но Андрея тут же начало выворачивать наизнанку. Накатывавшие волнами дикие спазмы выплескивали, выталкивали из его желудка все выпитое и съеденное за ужином. Маша испугалась, что он может захлебнуться. Она вскочила с кровати, не глядя, сунула ноги в свои белые туфельки и чуть не закричала. В них была теплая каша вчерашнего ужина. Она с ужасом отбросила их в сторону и заплакала. Туфельки, ее чудные свадебные туфельки, из которых Андрей пил шампанское, были осквернены! Она схватила оставленное на табуретке вафельное полотенце, с ожесточением начала вытирать ноги. Но мыть их было негде и нечем. К тому же сначала надо было спасать Андрея. Босиком она выскочила в комнату, где спал Павлик, но чайника с водой на столе не увидела. На цыпочках, чтобы не разбудить мальчика, она быстро пересекла комнату, тихонько потянула на себя дверь и выглянула в длинный коридор. Ей надо было поскорее добраться до кухни, чтобы сполоснуть полотенце и намочить его холодной водой.

В коридоре была кромешная тьма – лампочка под потолком не горела, а может быть, ее никогда и не было. Касаясь рукой стены, словно в подземном лабиринте, Маша стала осторожно пробираться на кухню. Ей казалось, что проклятый коридор никогда не закончится. Слезы лились ручьем, и ей казалось, что из каждой двери за ней подглядывают любопытные соседи. Как она добралась до порога кухни, она сама не понимала.

После абсолютной темноты коридора в кухне ей показалось даже светло. Желтые лучи ближайшего уличного фонаря, пробившиеся сквозь листву, пятнами падали на раковину. Трясущимися от обиды руками она открутила кран, помыла лицо и руки, смахнула мешающие видеть слезы. Стоя поочередно то на одной ноге, то на другой, обтерла полотенцем ступни, чтобы не поскользнуться на обратном пути, отполоскала полотенце и тем же путем, скользя по стене свободной рукой, заторопилась назад.

Стащив с мужа заляпанную майку, Маша обтерла ему лицо, предплечья и грудь, потом снова, уже более уверенно, смоталась с чайником за водой, положила холодное полотенце ему на лоб и стала ждать, пока он, измученный спазмами, не придет в себя. Еще через четверть часа Андрей с трудом поднялся, откинул назад разметавшиеся, слипшиеся волосы, принес из кухни пустое ведро и совком убрал с пола остатки вчерашней трапезы. Закончив эту работу, он выстирал испорченное полотенце, им же тщательно вымыл каждый уголок терраски и, вздохнув, сел отдышаться. А Маша, радуясь уже тому, что не проснулся мальчишка и что никто не видел ее в коридоре, снова отправилась на кухню приводить в порядок свои свадебные туфельки.

Вернувшись с кухни с мокрыми, причудливо скрученными туфлями, Маша набила в них какие-то свои тряпки, чтобы к утру они совсем не свернулись в клубок (никаких газет вокруг не было), и поставила их в уголок просушить. Честно говоря, при такой влажности никакой надежды, что до завтра туфли просохнут, не было. «Ну и ладно, – подумала Маша, – может, хоть на ноге растянутся». Она придвинула к окну табуретку, села и оперлась локтями о под-

оконник. Все равно сон окончательно пропал, к усталости прибавилась тупая головная боль. Тяжелый запах медленно выветривался в ночной духоте, обволакивая ее и пробуждая чувство отвращения, даже омерзения к этому жуткому дому. Ей по-человечески было жаль этих несчастных людей, до слез, до какого-то невыразимого отчаяния жалко своего Андрея, своего Мистера X, своего несчастного Ромео.

Ей было обидно за мужа, за испорченный вечер, за нерадостную встречу, но обиднее всего ей было за свои дивные, бесповоротно испорченные туфли. Как она утром их наденет, если они так скукожились, свернувшись почти подковой? Кажется, они стали вдвое короче и уже! Утром надо попробовать натянуть их на ногу и так посушить. А если не налезут? Но у нее же нет другой обуви!

Вдруг ее пронзила жуткая мысль. Ее «оскверненные» туфельки – плохая примета, знак, предупреждающий о крахе всех ее надежд. В это мгновение она почувствовала, что рушатся все ее мечты об алых парусах, гранатовом браслете, о сонетах, который когда-нибудь будут написаны в ее честь. Жизнь кончилась, так и не начавшись. Что же она теперь скажет маме?

Хуже быть не могло. Уронив голову на руки, она зарыдала.

Говорить было не о чем, вернее, незачем. Поэтому оба молчали. Каждый представлял, что думает другой, но произнести вслух даже одно слово не хватало смелости.

Когда слезы кончились, Маша почувствовала дикую слабость. Голова кружилась, в ушах стоял какой-то звон. Ей захотелось лечь прямо на пол, чтобы не упасть.

Андрей тоже очень ослаб, он с трудом держался на ногах, мысли туманились. Главное, ему хотелось хоть немного успокоить Машу, просить у нее прощения за себя, за свою семью, за то, что не сумел сказать отцу «нет» – он сам так надеялся восстановить хоть что-то! Ведь ничего другого он и не ожидал, и было напрасно надеяться на чудо. Отец прав, он – слабак, он виноват, виноват, виноват... Но слова застревают в горле. Теперь он даже боялся подумать о том, что будет завтра. И все же он стал уговаривать Машу хоть немного вздремнуть, а он «постережет ее сон». Маша ничего не ответила. Но еще через полчаса она, обессиленная, рухнула в железный «гамак» и задремала. Андрей сел рядом на самый край рамы.

В коротком забытии Маше казалось, что Андрей легонько гладит ее по волосам, но сейчас каждое его прикосновение было ей неприятно. Она раздражённо оттолкнула его руку: «Не надо», и вдруг почувствовала, что с головы ее что-то упало и легонько стукнулось о пол. Маша открыла глаза и попыталась разглядеть, что же упало, но на темном полу ничего не было видно. Тогда она подняла взгляд и, о, ужас! Не обращая внимания ни на свет из окна, ни на присутствующих людей, огромные тараканы, пошевеливая усами, ползли по стене строем, словно знаменосцы на параде. Они вели себя как истинные хозяева этой терраски, дома и даже целого города. Маша зажала обеими руками рот, чтобы не заорать от брезгливости и омерзения, потом быстро сдернула с кровати простыню, сильно встряхнула ее, и глухой звук падающих тараканьих тел показался ей шумом дождя. Она быстро завернулась в простыню с головой, так что остались одни глаза, залезла на табуретку и поджала под себя ноги.

Андрей куда-то рванулся и через мгновение появился на балконе, держа в руке огромные ножницы. С каким-то отчаянием или остервенением он начал стричь и рубить тараканий поток. Через две-три минуты сражение было закончено. Это была Пиррова победа. Андрей снова подмел и вымыл комнату, принес еще одну табуретку и сел рядом с Машей.

«Господи, зачем я притащил ее в этот ад?»

В ту ночь в незнакомой и чуждой ей среде земля под Машиними ногами дрогнула и дала трещину. Мир покачнулся. Того, что она пережила, ей уже никогда не удастся забыть. Она многое поняла. Так вот почему Андрей так не хотел надевать к свадьбе новый, но очень недорогой костюм, купленный на родительские деньги. На фоне этих стен он чувствовал себя «предателем». Он жил лучше, чем они! Он испытывал неловкость перед ее родителями, страдал за своих и умирал от стыда перед молодой женой. Зачем он потащил ее сюда?

Ему тоже хотелось плакать и кричать от горя, целовать ее руки, стать на колени, молить о прощении. Умолять забыть навсегда этот проклятый вечер, этих тараканов. Он проклинал себя за то, что уговорил ее сюда приехать. Как ей теперь забыть обо всем? Ему хотелось сказать, что когда-нибудь он купит ей самые лучшие туфли на свете, что все будет у них хорошо...

И сам не верил в это.

Маша спрятала лицо в колени и заткнула уши. Она ничего не хотела слышать. Ни о каком сне, а может быть и о счастье, теперь не могло быть и речи. Никогда, никогда она не сможет забыть ни об этом страшном вечере, ни о тараканах, ни о своих испорченных туфельках. Конечно, не о простых парусиновых туфельках, которые еще можно купить в обычном магазине. А о том волшебном башмачке, в котором пенилось шампанское и которого касались его губы!

Даже сейчас, среди прекрасного безмолвия, вспомнив это, Маша вздрогнула и потрясла головой. Прочь, прочь! Неужели это было с ней? Уж не приснилось ли ей все это в страшном сне? Нет, это был не сон. Это было, было, было.

Но почему она немедленно не уехала, не убежала, хоть пешком, хоть ползком, хоть вплавь? Плавать не умеет? Так были же ноги, голова, наконец? Нет ей оправдания. Но есть объяснения, детские, беспомощные. Боялась расстроить маму. Боялась пересудов в институте. Было и более страшное – зная Андрея, боялась, что он покончит с собой. Теперь она понимает, что все эти страхи были слишком преувеличены в ее инфантильном сознании. Уйди она тогда, может быть, ничего страшного и не случилось бы, все рано или поздно встало на свои места, каждый нашел бы настоящую вторую половину, как говорится, срубил дерево по себе. Хотя страх за жизнь Андрея мог и оправдаться. Он был именно такой, как она думала, – ранимый, одинокий, взваливший на свои плечи всю неустроенность окружающего его мира.

Но прожитого назад не воротишь. Нет уже ни мамы с папой, ни несчастного Андрея, ни самого любимого и дорогого ей существа, так страшно погибшего старшего сына. Хорошо, что спит муж, что он не может слышать ее мыслей, что она может стоять тут наедине с собой и судить себя, как может это делать только сам человек, и не объяснять, почему так неостановимо льются слезы и всю ее так трясет.

Закрыв рот ладонью, чтобы не всхлипнуть нечаянно, она осторожно вошла в каюту, взяла со стула легкую накидку и снова вышла на балкон. Полотенце было по-прежнему влажным и даже прохладным, так что она вытерла им лицо и немного успокоилась. Ей хотелось бы навсегда забыть то, что было так давно. Ничего не было, никто не виноват. Но непрошенные воспоминания упорно и даже назойливо вылезали, как вылезает из квашни подошедшее дрожжевое тесто.

Глава 7

Светлячки в плену магнолий

К утру в насыщенный влагой и ароматами тропических цветов воздух, так и не успевший остыть за ночь, стал вливаться легкий прохладный ветерок с моря. Добрался он и до терраски, прогоняя густые ночные тени и ужасы. До самого восхода ни она, ни Андрей так и не проронили ни слова. А когда первые лучи солнца сверкнули на горизонте, измученная всем пережитым за ночь Маша очень тихо, дрожащим голосом стала просить Андрея немедленно поменять билеты на ближайший возможный поезд. «Я хочу домой. Немедленно», – твердила она, как ребенок. Уговоры Андрея потерпеть, побыть еще хоть пару дней, чтобы не обидеть мать, почти не действовали. С побледневшим лицом и запавшими глазами Маша затолкала в чемодан вынутый зачем-то сарафан, панамку, потом с трудом влезла в отмытые той же ночью, съезжившиеся и потерявшие форму прюнелевые лодочки, а теперь уже просто дешевые парусиновые туфли, чтобы досушить их «на ноге». Потом нашла свою зубную щетку и поплелась на кухню, чтобы умыться, пока не встали соседи.

Похоже, оба они почувствовали, что их приезд не столько обрадовал, сколько насторожил и даже расстроил семью Андрея. Они вовсе не желали потерять его навсегда, боясь, что жизнь с этой «столичной штучкой» затянет его, и он уже никогда не вернется, не станет их кормильцем. Его душа тоже страдала, желания раздваивались, но никакой возможности помочь им или как-то примирить желаемое с действительным не виделось даже на горизонте.

На его глазах семья продолжала сваливаться в нищету, исчезали последние намеки на скромное благополучие.

Мать работала уборщицей и прачкой в военном санатории неподалеку от дома, дополнительно подрабатывая еще стиркой белья на дому для отдыхающих «дикарей».

Как и прежде, при любой возможности они пускали к себе приезжих, предусмотрительно устроив себе «комнату» в маленьком дощатом сарайчике во дворе. Даже при большом наплыве желающих провести отпуск у моря, в перегруженном людьми и дороговизной курортном местечке, сдать их убогую комнату можно было только за сущие гроши. Снимали ее какие-нибудь очень неприспособленные гости или нищие студенты, рискнувшие поехать к морю, не имея лишнего рубля в кармане. Летом и частично в бархатный сезон комната пустовала не часто. Но денег, чтобы сделать самый убогий ремонт, как не было, так и нет. Не богаче жили и другие обитатели этого «караван-сарая», в большинстве работавшие в местных санаториях и домах отдыха на подсобных, низкооплачиваемых должностях. Легче, возможно, было тем, кто работал «при кухне».

Теперь даже одного внимательного взгляда было достаточно, чтобы увидеть, насколько хуже стало без него в доме. И он окончательно растерялся. Может быть, он и правда поторопился с женьбой?

Андрей, конечно, был рад, что вырвался отсюда, нравился ему и его институт, и преподаватели, и ребята, соседи по комнате, и то, что он может сам себя обеспечить, имея возможность подработать. Однако постоянное беспокойство о матери и его младшем брате сидело в мозгу, как заноза. Конечно, он знал, Оксана ему писала, что отец пытается бросить пить, но пока не получается. Хуже, что и Пашка стал выпивать. А одна мать ничего поделать не может, да и кто ее слушает? Не может она повлиять даже на Пашку, которому только четырнадцать, не то, чтобы уговорить отца не пить. Терпеливо ждет его, самого умного в их семье, чтобы он что-то придумал. А что он может?

Земля снова проваливалась у него под ногами. Если он сейчас сорвется и уедет, дом рухнет, и он ничего не сможет сделать.

Заставив себя немного успокоиться и понимая, что Андрею ещё хуже, чем ей, Маша уговорила себя остаться, чтобы не обижать ни его, ни его родителей. «Его мать ни в чем не виновата! Ей самой плохо. Наверное, самой некуда уйти». От всего этого Андрею хотелось закрыть глаза, заткнуть уши, ничего больше не видеть и не слышать. Умереть. Но сердечная боль не позволяла расслабиться. Надо искать пути, как бы помочь, хотя бы матери и Пашке. Если бы он был волшебником, или случилось бы чудо... А вот теперь всем им так плохо – каждому по-своему. Маше с ним тоже.

Как и большинство обитателей таких мест, его семья жила как бы на обочине чьей-то «красивой жизни». У двух категорий постоянно и почти безвылазно живущих здесь, учителей и врачей, в руках было, худо-бедно, благородное дело – воспитание детей и заботы о здоровье людей. У продавцов, поваров и официантов – всегда были какие-то средства к существованию. Остальные зависели от наплыва или отсутствия курортников, с путевками в санатории и дома отдыха или без оных. «Дикари» и были основным источником доходов местных жителей, которые, перемещаясь в сарайчики или под навесы, сдавали свое жилье жаждущим глотнуть свежего морского воздуха, погреться на солнышке, вдоволь покупаться и поплавать.

С весны до осени, особенно в «бархатный сезон», мимо «коренных» обитателей городка текло лихорадочное веселье доживших до победы праздных людей – изголодавшихся по женской ласке мужчин, отчаянных легкомысленных девчонок, модных дам и стареющих вдов, все еще надеявшихся ухватить свою долю счастья. Нередко появлялись здесь и люди с шальными, на один вечер, деньгами. Им же, постоянным жителям городка, и на один такой праздничный денек честно заработать было невозможно. А уж семье, где были пьющие, зарплаты всегда не хватало. После того как курортники разъезжались, улицы городка словно вымирали, и чувство тоскливого однообразия и безысходности накрывало город с головой, словно ватным одеялом.

Старые, умудренные прожитыми годами люди понимали, что летом вокруг них текла не настоящая жизнь, а разыгрывалось короткое феерическое действие на фоне сочных и ярких южных декораций, но стоило раздаться паровозному гудку, и для очередной партии отдыхающих все это безудержное веселье заканчивалось с последней рюмкой теплого молодого вина или разбавленного пива.

Втиснув еще не очнувшихся от курортных грез всех без разбора «отдохнувших» в душные грязные вагоны или салоны самолетов, судьба снова мчала их в собственную невеселую обыденность – работа-дорога-очереди-дом.

Из осевших здесь после войны только редкие, самые смелые решались уехать из этого богатого края и не возвращаться в этот карнавалый город. Они понимали, что атмосфера постоянного праздника смущает, дурачит иллюзиями их детей, портит им жизнь. Проблема была в другом – в незнакомом месте не было ни жилья, ни работы, да и климат суровее, в сарайчике даже летом уже не проживешь.

Но подрастающее поколение часто жаждало вырваться из этого «курортного ада». Мальчишки чаще всего мечтали поступить в мореходку или поехать учиться в большой город. Девушки, в большинстве, тайно надеялись удачно выйти замуж, уехать за границу или поближе к столице и возвращаться домой только на время отпуска, лучше – в «бархатный сезон». Вот и Андрей уехал, понимая, что никто и ничем ему не сможет помочь. Только он сам. Это был единственный шанс изменить свою жизнь и всей своей семье. И вдруг все летит кувырком! Маша у них отняла его!

Андрея обуял неопиcуемый ужас. Если Маша сейчас уедет, она уедет одна! Они его не отпустят, он не сможет уехать, если мать начнет плакать и Пашка вцепится в ноги... Если он сейчас останется, то никогда больше не увидит Машу. Ему просто не откроют дверь! Она меня бросит! Если не сейчас, то потом. И он ничего не сможет поделать!

Маша тоже пребывала в полной прострации. В голове была полная неразбериха. Какой тут «медовый месяц»? Она, скорее, как муха в «меду», не в состоянии пошевелить ни рукой,

ни ногой. Надо бежать. Но куда и как? Она тут задохнется, умрет. Что делать, что же делать? Неужели теперь она всю жизнь должна будет жить бок о бок с чужой бедой? Бедой чужих и даже чуждых ей людей, которые никогда не станут ни близкими, ни родными... Никогда она не сможет сказать правду маме. Никогда. И не у кого ей будет просить помощи.

Шок, который испытала Маша в ту ночь, был сильнее всего того, что довелось ей испытать за всю ее жизнь. Ни страх сорваться в пропасть, когда после невиданных дождей небольшой детский лагерь от Академии наук местные жители козыми тропами выводили из зоны горного обвала в Осетии. Ни оцепенение, охватившее ее, когда она пряталась в хилых кустах от двигающейся с моря прямо на нее воронки смерча... Ничто не повергало ее в такую пучину отчаяния.

Описать свое состояние она не смогла бы ни одному врачу, ни одному психологу. Пустота и беспросветный мрак. А вдруг так будет до самого конца? Конца чего?

Только жалея совершенно измученного, исстрадавшегося за ночь, растоптанного событиями Андрея, Маша позволила себя уговорить и согласилась остаться на целую неделю. Но зачем? Она же чувствовала, знала, что больше ничего хорошего здесь не будет. Ни сейчас, ни потом. Никогда. Им обоим было так плохо, и ей, и Андрею, что хотелось спрятаться, чтобы никто не заглядывал ей в глаза, пытаясь понять, что она думает или чувствует. Это было бы для нее еще большей пыткой.

Чтобы как-то сгладить впечатления от событий предыдущего дня, к вечеру после обеда, по предложению Оксаны, они отправились вместе прогуляться по городу и к морю. То ли Оксане искренне хотелось разрядить обстановку, то ли показать лучшее, что есть в ее городе, то ли «предъявить» ее, новую родственницу своим многочисленным знакомым, Маша так и не поняла.

Пока они шли вдоль набережной, Оксану часто окликали, может быть, ее приятели, а может, из простого любопытства, интереса к гостье, идущей рядом с ее братом-студентом. Оксана была очень хороша той красотой, которая присуща многим девушкам, выросшим у теплого моря. Свежесть ее чистой кожи, темные брови, большие, чуть прищуренные, зеленые, как у брата глаза, короткая русая коса, сильные плечи хорошей пловчихи и стройные загорелые ноги. Она была заметной даже на фоне ярко одетых приезжих чаровниц и роскошных курортных дам в длинных шелковых платьях.

Маша чувствовала себя по сравнению с ней бледненькой, замученной уроками городской худышкой, которую родители никогда не выпускают из дома. Оксана сознавала свою красоту и несла ее с истинным достоинством. Молодые люди постоянно с ней заигрывали, и она, бойкая на язычок, немедленно откликалась на непрощенные комплименты.

Вечер как-то быстро закончился. Солнце почти скатилось за море, стремительно потемнело и, показалось, что с горы кто-то закинул в небо невидимую рыболовную сеть с яркими морскими брызгами. Запахло рыбой и выброшенными на берег водорослями. В ночной тишине стало слышно легкое шипение набегавшей и тут же уползавшей волны, шуршание перекатывавшейся гальки. Откуда-то доносилась музыка – где-то неподалеку бродила по пляжу молодежная компания с транзистором.

Постепенно Маша стала приходить в себя. Чтобы развлечь своих спутников, Оксана стала ловить светлячков и осторожно прятать их в еще нераскрывшиеся восковые магнолии. Бутон в темноте начинал таинственно мерцать, светиться, словно сказочный каменный цветок. Потом Андрей сломал небольшую ветку со светящимся цветком и торжественно произнес: «Это будет наш талисман. Пусть он светится долго». Но пока они дошли до дома светлячков, вероятно, опьянел или вообще задохнулся от сильного аромата, и свет в цветке погас. Маше стало очень жалко светлячка, и в этом ей тоже почудился недобрый знак. Но красота южной ночи, шелест воды у самых ног сглаживали вчерашние тревоги и постепенно заставили Машу позабыть о светлячке. Она держала в руках ветку с крупными глянцевыми листьями и роскошным белым

цветком и уговаривала себя, что жизнь все равно прекрасна, и не надо отчаиваться, и что у них с Андреем все еще впереди. Эти мысли на время примирили ее со случившимся и вернули мужество ждать окончания поездки. «Все это отвратительно, но не нарочно же. Просто испытание. Она должна выдержать. Надо только чуть остыть и успокоиться. Все будет хорошо».

Потом прошла еще ночь, и еще. Они с Андреем спали по очереди. Если засыпал один, второму ничего не оставалось, как стараться удержаться на краю, ухватившись рукой за раму, но металлический край был довольно острым, рука немела и начинала пахнуть разогревшимся металлом. Так что в часы бодрствования Маша опять сидела у открытого окна и думала о доме.

В одну из таких бессонных ночей Андрей, наконец, решился рассказать Маше горькую правду о своей семье. То ли искал оправдания, то ли просто пришло время излить наболевшее.

Истоки несчастий, обрушившихся на эту семью, следовало бы искать в событиях почти двухсотлетней давности, времен Ермоловских походов на Кавказ. Российская империя расширяла свои границы. Чтобы избавиться от беспокойных соседей, генералу Ермолову было поручено «благородное дело усмирения горских разбойников». Поэтому черкесов, адыгов, чеченцев безжалостной рукой изгоняли из родных мест, их аулы разграблялись в назидание «непокорным», а земли изымались в пользу казаков. Огромное число изгнанных навсегда покинуло родные места, сохранив в памяти ненависть к тем, кто отнял у них землю и привычную жизнь. Потом случилась Октябрьская революция, и вся история повторилась. России нужен был выход к нефти, и начались другие смуты и «переделы». И снова разорялись черкесские деревни, аулы, изымались земли, рушились семьи.

Не обошла злая судьба и семью Андзаура, главу небогатого, но знатного рода. Его дочь, осиротевшую после одного из таких боев, красивую девочку, несовершеннолетнюю черкесскую княжну, привезли в казачью станицу и отдали служанкой в семью какого-то казацкого атамана. А через несколько лет окрестили Елизаветой и выдали замуж за простого русского парня. Отчества у нее тогда не было, но она помнила, что отца звали Андзаур, так что по созвучию, стала называться Андреевной.

Ни о какой любви к мужу и речи быть не могло. Был только испуг. Сначала были попытки протеста – память крови нет-нет, да и вскипала в жилах молодой черкешенки. Но потом появилось чувство апатии, сознание собственного бессилия и невозможности что-то изменить. А еще через сколько-то лет выработалась скорбная привычка просто нести свой крест. Была одна радость – дети. Сын и дочь, Андрей и Оксана. Дети-полукровки были красивы в мать – гордо посаженная голова, спинка прямая, особая такая стать. Кажется, поставь им на голову кувшин с водой – донесут, капли не разольют. Только глаза были в отца – серо-зеленые и щечки по-славянски припухлые. Может, из-за этих детских глаз и притерпелась, «слюбилась» их жизнь.

Потом началась другая война, Вторая мировая. Отца призвали в армию, а мать с детьми осталась в Майкопе. Но война дошла и до Северного Кавказа. Когда в городе появились немцы, закрылись многие магазины, лавочки – продавцы боялись, что немцы начнут их грабить. Началось голодное время. Женщины трудились, где только можно было заработать на кусок хлеба для детей. Мать Андрея по десять часов работала на масличном заводе, а потом усталая, с той же гордой осанкой, как учили ее в детстве, не сутулясь и не опуская головы, шла домой с сумкой жмыха, который немцы со смехом называли «сталинским шоколадом». Часто этот жмых был единственной едой в доме. Есть его можно было только скоту – колючая спрессованная шелуха семечек подсолнечника с тонкой прослойкой выхолощенной мякоти. Однако, если его пососать или даже пожевать, можно было почувствовать вкус свежееотжатого масла.

Одному из немецких офицеров, расквартированных в Майкопе, бывшему, вероятно, до войны нормальным, добрым человеком, понравилась гордая молодая женщина, никогда не опускавшая глаз и смотревшая на всех их с таким презрением. Ничего не требуя взамен, время от времени он стал появляться в ее доме и приносить гордой черкешенке и ее вечно голодным детям по плитке настоящего шоколада, а то и банку свиной тушенки из личного пайка.

А может быть, действительно, не все немцы были зверьми на той войне? Разве не было среди военнообязанных тоже несчастных по-своему людей, бывших в мирной жизни простыми горожанами, селянами, не по доброй воле оторванными от своих семей? Призван в армию – служи. Приказано – стреляй.

Порой «немец» приходил, когда мать была еще на заводе, тогда он просто оставлял на столе какие-то продукты и исчезал. А иногда, ожидая прихода матери, даже пытался учить старшего каким-то немецким словам. Покажет рукой стол – der Tisch, окно – das Fenster, девочка – das Madchen, небо – der Himmel... Мальчик быстро запоминал и постепенно начал понимать нехитрые вопросы немца и мог односложно на них ответить.

Но, вероятно, немецкое командование тоже не слишком поощряло контакты своих офицеров с враждебно настроенным местным населением. И через какое-то время немец исчез.

И тогда по улице немедленно поползли грязные слухи, недобрые разговоры. За глаза ее обзывали по-всякому. Шипели вслед, завидовали и ненавидели одновременно. Она все знала, все понимала, но молчала и терпела. А что еще она могла сделать, если дома ее ждали голодные дети? Убить его, чтобы потом убили ее детей? Запретить приходить в дом? Отказаться от подарков? Кто никогда не видел, с какой надеждой и отчаянием смотрят в глаза и руки матери голодные дети, пусть кинет в нее камень.

Потом немцев с Кавказа выбили. Демобилизованному по ранению мужу Елизаветы немедленно все было доложено «в красках и деталях», что было и чего даже на самом деле и не было. От зависти ли, от безнадежности ли собственной жизни безжалостно, с азартом крушили чужую семью оставшиеся «соломенными невестами» или вдовами несчастные женщины. После этого и без того непростая семейная жизнь Коротковых превратилась в настоящий кошмар. А скоро к прочим проблемам добавилась еще одна – у Андрея появился братишка, Павлик. Беленький, голубоглазый, с золотистым хохолком на макушке, настоящий Петушок-Золотой гребешок. Родился он раньше положенного срока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.